

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ



1 ДЕКАБРЯ
1910

№ 23

ГОДЪ ИЗД.
V

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 497—55.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Бьялевская О. А. „Капѣль“. Стихотворенія. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Кондурушкинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. „Слонъ“. Съ рисунками. Цѣна 25 к. (Все изданіе разошлось).

Кэрроллъ Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Лондонъ Дэнъ. „Бунъ“. Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*. *Допущено* въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахѣева-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Сборникъ разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи*.

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и признана *заслуживающей вниманія* при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльными рисунками на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

1910 годъ.

Декабрь № 23.

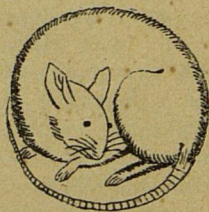


ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА

Содержаніе.

1. Жизнь Хитролиса — П. Соловьевой. Рисунки Рабье.
(Окончаніе).
2. Цербетская принцесса — (изъ дѣтства Екатерины II) —
Н. Манасеиной.
3. Олимпійскія игры — профессора М. И. Ростовцева.
(Окончаніе).
4. Вѣсти отовсюду.
5. Народныя поговорки и примѣты на декабрь.
6. Шарады.



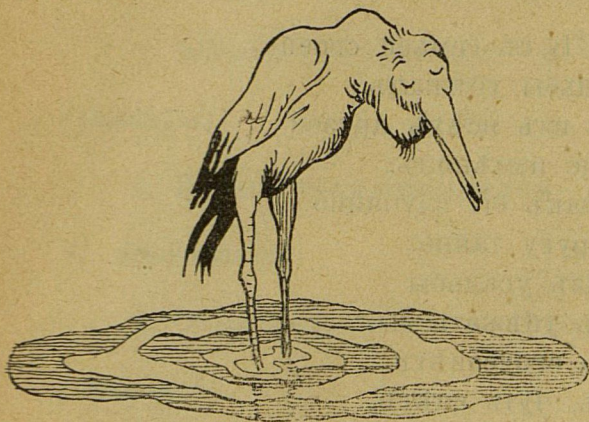
Жизнь Хитролиса.

Приключеніе двадцать третье.

День, начавшійся хорошо и кончившійся плохо для
Хитролиса.

ХИТРОЛИСЬ съ семьей своей
Изъ усадьбы убѣжалъ.
Имъ Толстунъ изъ всѣхъ друзей
Лишь одинъ не измѣнялъ.
Онъ зашелъ, какъ бы случайно
И повѣдалъ другу тайно:
„Безопаснѣй изъ усадьбы
Поскорѣй вамъ убѣжать бы.“
Принялъ Лисъ его совѣтъ
И на утро онъ, чуть свѣтъ,
Сына взялъ и Эрмелину
И ушелъ въ одну долину,
Гдѣ холмовъ окружныхъ скаты
Были порослью богаты.
Скрыться тутъ нетрудно было,
Но за то текла уныло
Жизнь, не то, что въ Мопертви.
Тамъ таскай себѣ, лови
То звѣрковъ, то мелкихъ птичекъ:
Воробьевъ, чижей, синичекъ.
То снесешь домой крота.
Ихъ въ семьѣ теперь три рта.
Прокормить жену не шутка.
Подростать сталъ и малютка,
А ѣду откуда взять?
Приходилось голодать.

Въ одинъ прекрасный день усѣлся онъ въ кустахъ
На берегу рѣки и кушалъ дичь... въ мечтахъ,
Какъ вдругъ онъ увидалъ Ущипу-цаплю. Ловко ...



На шеѣ подвижной
склонивши внизъ головку,
Она ловила рыбе
и, въ клювъ ихъ
заклучивъ,
Таскала изъ воды
подъ тѣнью старыхъ ивъ.
„Я цаплей завтракать“
Лисъ думаетъ „люблю,
Но какъ я съ берега
Ущипу изловлю?“
Подумаль, разсудиль.

На берегу рѣки
Росли во множествѣ камышь и тростники.
Нарвалъ ихъ, переплелъ съ травой, что растеть
За ивами во рву, и сдѣлалъ легкій плотъ.
Толкнулъ,—и плотъ поплылъ тихонько по теченью.
Вотъ, къ птицѣ подошелъ. Ущипа въ удивленьѣ
И въ страхѣ отошла. Но это лишь камышь
И влажная трава. Кругомъ все та же тишь.
И, успокоившись, она взялась за ловлю.
„Отлично! И второй я плотикъ приготавлию,“
Подумаль Хитролисъ. Вновь сплелъ онъ легкій плотъ,
И снова по водѣ сплетеніе плыветь.
Ущипа подошла поближе этотъ разъ,
Нагнула голову, съ плота не сводить глазъ,
Долбнула раза два и клювомъ потолкала.
„Одинъ камышь съ травой“. И вновь на ловлю встала.

Когда и въ третій разъ такой же плотъ проплыль,
Онъ цаплею совсѣмъ и не замѣченъ былъ.
Въ четвертый плотъ засѣлъ тихонько Хитролисъ
И по рѣкѣ поплыль онъ осторожно внизъ.
Плотъ шелъ, какъ первые, въ водѣ чуть-чуть качаясь.
Вотъ, къ цаплѣ подошелъ. Она, не озираясь
И голову нагнувъ, ловила рыбъ въ водѣ,
Совсѣмъ не думала о шедшей къ ней бѣдѣ.
Тутъ Хитролисъ привсталъ, получше изловчился
И въ шею длинную, подпрыгнувши, вцѣпился.
Еще мгновеніе—и онъ на берегу
На островкѣ. „Теперь позавтракать могу.

Безъ скромности сказать,
—я съ каждымъ
днемъ умнѣю:
И птицу я досталъ,
и рыбу вмѣстѣ съ нею.“
Но, прыгнувъ, онъ попалъ
случайно, на бѣду,



На островокъ такой, гдѣ былъ онъ на виду,
И гдѣ ему могла опасность угрожать.

„Гдѣ скрыться, какъ бѣжать?

Пришла ко мнѣ бѣда:

Со всѣхъ сторонъ вода.

Куда себя я дѣну?

Да здѣсь скосили сѣно;

Прилягу за копну

И чуточку вздремну.“

Едва глаза закрылъ,

Какъ въ ужасѣ вскочилъ,

Весь вздрогнувъ, въ тотъ же мигъ:

Плылъ къ островку мужикъ.

„Отлично: эта лодка—

Чистѣйшая находка!“

Онъ выползъ и на видъ

Улегся, будто спитъ.

Мужикъ привсталъ, дивится:

„Отличная лисица!

Ишь, шельма,—отдыхаетъ,

Меня не замѣчаетъ.

А шкурка то на диво

Блестяща и красива.

Дадутъ не мало мнѣ:

Лиса теперь въ цѣнѣ.

Разоспалась: тепло!“

Онъ захватилъ весло,

Изъ лодки вылѣзаетъ,

Неслышно выступаетъ.

„Успнешь спокойнымъ сномъ:

Хвачу тебя весломъ.“

Но Хитролисъ давно движенья разсчиталъ.
Куда падеть ударъ—заранѣе онъ зналъ.
Къ нему летить весло, а онъ въ тотъ самый мигъ

Вскочилъ—и въ лодку прыгъ!

И лодку къ берегу теченьемъ понесло.

„Отлично ѣду я, къ чему мнѣ и весло,“

Подумалъ Хитролисъ, вѣсьма собой довольный

И вылѣзъ на берегъ. „Мнѣ совѣстно: невольню,

Мэссиръ, я лодочки удобной васъ лишилъ,“

Онъ крикнулъ мужику. „Простите: я спѣшилъ.“

И дальше побѣжалъ, смѣясь надъ тѣмъ, какъ ловко

Провелъ онъ мужика. „А здѣсь, вотъ, остановку

Подъ этимъ деревцомъ я сдѣлать бы не прочь:

Вишневое оно, до вишень я охочъ.“

На деревѣ въ вѣтвяхъ усѣлся воробей

И ягоды клевалъ. Движеніе вѣтвей

Замѣтилъ Хитролисъ, взглянулъ и въ тотъ же мигъ

Узналъ онъ воробья: „Да это ты, Пикчикъ?“

Пошли тебѣ судьба хорошей аппетитъ!“

„Спасибо, Хитролисъ, да только я ужъ сытъ.

Все остальное я тебѣ охотно дамъ.“

„Да какъ же? Не могу я лазать по вѣтвямъ“.

„На это хитрости не надобно излишней.

Ты ротъ внизу раскрой, я,—вишню вслѣдъ за вишней

Начну тебѣ бросать, а ты ловить умѣй.“

„Пикчикъ, съ которыхъ поръ ты сталъ меня умнѣй?“

„Мнѣ кажется, ума я выказалъ не много.“

„Я вижу, судишь ты свой умъ довольно строго,

Лишь потому, что самъ давно къ нему привыкъ.

Благодарю тебя, о мудрый мой Пикчикъ!“

Тутъ воробей бросать сталъ вишни. Цѣлый градъ

Коралловый летѣль,
а Хитролись и радъ:
Сидить внизу, раскрыль
широкой чашей пасть,
Пьеть алый сокъ густой,
глотая вишни въ сласть.

Но захотѣль и онъ
немного отдохнуть.
„Пусть радость озарить
весь жизненный твой путь,

За то, что даль ты пить
измученному звѣрю,“

Онъ ласково сказалъ.

„Нѣтъ, въ радость я не вѣрю,“
Отвѣтилъ воробей.

„Въ отчаянье готовъ
Притти я: мнѣ никакъ
не вылечить птенцовъ.

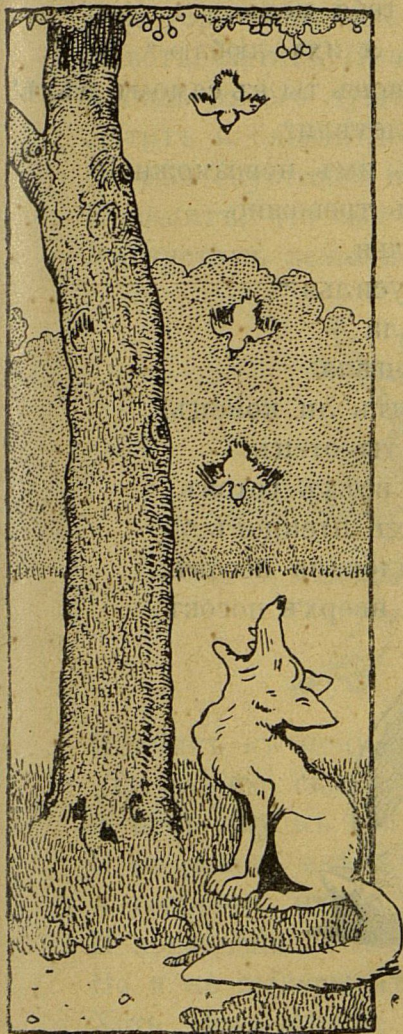
Болѣзнью англійской
страдаютъ все они.

Мы ночи напролетъ
не спимъ съ женой,
все дни

Печальные сидимъ, мечтая объ одномъ:
Чтобъ каждый нашъ птенецъ сталъ крѣпкимъ воробьемъ.
Мы здѣсь ихъ пробуемъ лечить пескомъ дорожки:
Чуть солнце выглянетъ—въ песокъ суюмъ ихъ ножки.“
„Могу тебѣ помочь, любезный мой Пикчикъ:
Болѣзни дѣтскія лечить я такъ привыкъ.
Вѣдь, путешествовалъ не мало я по свѣту,
И въ мѣрѣ, кажется, такого края нѣту,

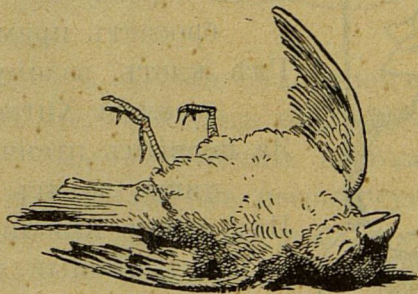


Гдѣ бѣ я не побывалъ. Бывалъ я въ
Палестинѣ,
Въ Константинополѣ, въ египетской пустынѣ.
Я столько городовъ видалъ, повѣрь, не лгу,
Что даже и назвать я всѣхъ ихъ не могу.

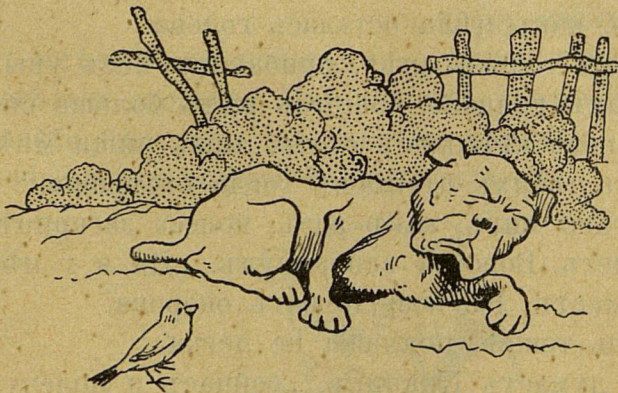


Чтобъ ѣздить такъ, имѣлъ
я важную причину:
Всѣхъ странъ я изучалъ
усердно медицину.
Я быстро вылечу
тебѣ твоихъ дѣтей,
Спокоенъ будь и брось
ихъ внизъ мнѣ поскорѣй.
Ко времени тому,
когда вернется мать,
Они окрѣпнуть такъ,
что вамъ ихъ не узнать.“
Отъ радости себя
не помнить воробей.
Береть онъ старшаго
изъ четверыхъ дѣтей
И съ дерева его
бросаетъ прямо внизъ,
Гдѣ ждетъ, разинувъ пасть,
веселый Хитролись.
За первымъ птенчикомъ,
пища, летитъ другой.
Ихъ всѣхъ излечить Лисъ,
имъ вѣчный давъ покой.
„Ну, что“? спросилъ отецъ,
когда все опустѣло.

А Хитролись въ отвѣтъ: „Идетъ удачно дѣло.
Ты убѣдишься самъ, что я исполнилъ слово,
И всѣ твои птенцы теперь совсѣмъ здоровы“.
„Да гдѣ они, скажи?“ — „Всѣ въ мѣстѣ безопасномъ.“
Но воробей молилъ въ сомнѣніи ужасномъ:
„Отдай мнѣ ихъ назаль, отдай, тебя молю.
Больныхъ и слабыхъ мнѣ отдай, я ихъ люблю.“
„Твердишь:—отдай, отдай!—Смѣшонъ ты въ самомъ дѣлѣ!
Ихъ нѣтъ, всѣ четверо далеко улетѣли“.
„На слабыхъ крылышкахъ летать имъ невозможно!“
Воскликнулъ воробей и запищалъ тревожно.
„Мое леченіе имъ укрѣпило крылья,
Летѣть они могли безъ всякаго усилья.“
На вѣткѣ дерева сосѣдняго сидѣла
Синичка и отцу несчастному пропѣла:
„Всея этой злостной лжи наступить ли конецъ!
Онъ обманулъ тебя, несчастный ты отецъ.
Онъ лгать, обманывать всегда и всѣхъ готовъ.
Я видѣла сама: онъ съѣлъ твоихъ птенцовъ.“
Тутъ воробей безъ чувствъ свалился на песокъ,
Раскинувъ крылышки, поднявши вверхъ носокъ,

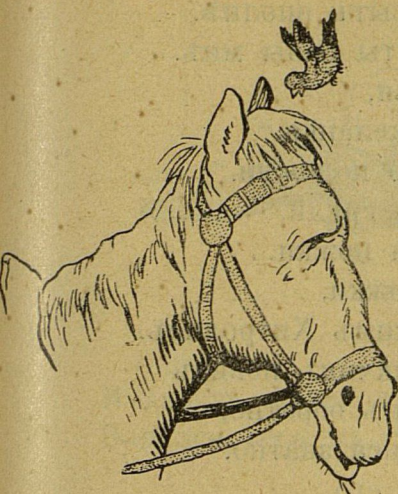


Но лишь пришелъ въ себя, какъ сталъ пищать, метаться,
Кричать, отчаянью и горю предаваться.
Онъ клювомъ билъ себя въ бока, въ животикъ, въ грудь.
„Мнѣ скажутъ многіе:—Пикчикъ, прости, забудь!—
Но нѣтъ въ моей душѣ покорнаго прощенья,
Мнѣ горе облегчить поможетъ только мщенье!“
И вотъ, летитъ Пикчикъ, несчастный воробей,
А боль въ его душѣ кричитъ: „Отмести, убей!“
Летитъ и слышитъ вой въ кустахъ онъ съ высоты.
Скорѣй спустился внизъ, прыжкомъ нырнулъ въ кусты
И видитъ, что ему судьбой помощникъ данъ:
Въ кустахъ лежалъ и вылъ голодный песъ Морданъ.



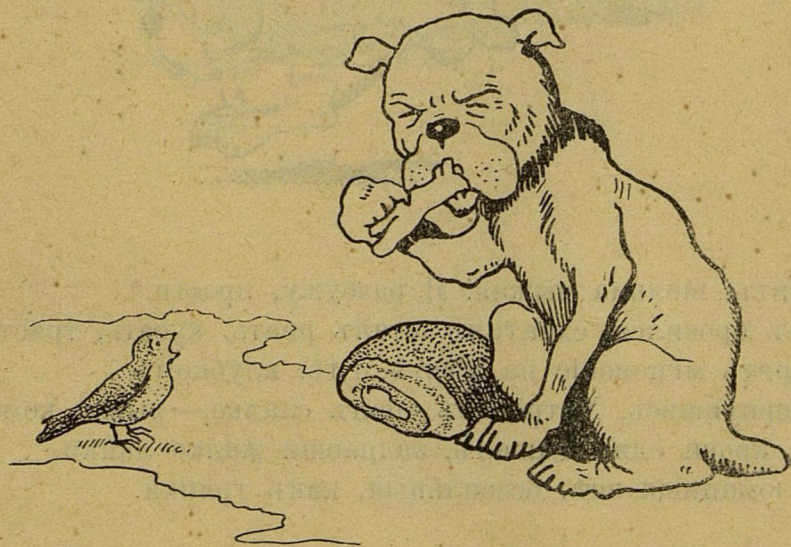
Пикчикъ къ нему скорѣй запрыгалъ: скокъ-скокъ-скокъ!
„Ты отчего, скажи, развылся, куманекъ?..“
А песъ ему въ отвѣтъ: „Хозяева жадны
И не дають мнѣ ѣсть. Не то, чтобы бѣдны,
А говорятъ, что я, не ѣвши, стану злѣе
И вора всякаго скорѣе одолѣю.
Но я не выдержалъ и сорвался съ цѣпи.
Хоть чѣмъ-нибудь меня, голубчикъ, подкрѣпи.

Три дня, вѣдь, я не ѣлъ, умру отъ истощенья.“
„Ахъ, если бы ты могъ мое исполнить мщенье,
Я былъ бы для тебя тогда на все готовъ!
Проклятый Хитролисъ—онъ съѣлъ моихъ птенцовъ!
Ахъ, еслибы ты зналъ...” — „Все знаю: здѣсь лежу
Съ утра я и за вѣмъ внимательно слѣжу.
Отсюда видѣлъ я, какъ Лисъ Ущипу съѣлъ,
Какъ онъ провелъ косца и лодкой овладѣлъ.
Потомъ, какъ онъ глоталъ и вишни, и птенцовъ.
Когда бъ не голодъ мой, сказалъ бы пару словъ
Я на ухо ему, безъ языка—зубами.
Онъ слабъ, справлялся я съ сильнѣйшими звѣрями.
Медвѣдей билъ, волковъ. Скажу безъ хвастовства:
Не знаю, какъ цѣла осталась голова.
Поѣсть бы только мнѣ“, прибавилъ песь уныло.
„Животикъ подвело, совѣмъ нѣтъ больше силы.
Чтобъ снова крѣпкимъ стать, лишь пища мнѣ нужна.
И смерть твоихъ птенцовъ тогда отомщена.“
А въ этотъ мигъ, какъ разъ, колеса заскрипѣли.
Возъ ѣдетъ. Воробей вспорхнулъ. „Да я у цѣли!“
Онъ думаетъ. Въ возу лежатъ окорока,
А лошадь тощая, поклажа не легка.
„Вотъ,“ думаетъ Пикчикъ, „сейчасъ я полечу,
Мордану дамъ поѣсть и лошадь облегчу.“
Онъ къ лошади летитъ, садится ей на гриву
И клювомъ въ темя—стукъ! Она, встряхнувъ лѣнливо,
Худую головой, опять пошла шагать.
Но воробей никакъ не хочетъ отставать,
Вновь голову клюетъ. Тутъ лошадь замотала
Живѣе головой и раздражаться стала.
А воробей клюетъ и снова, и опять.

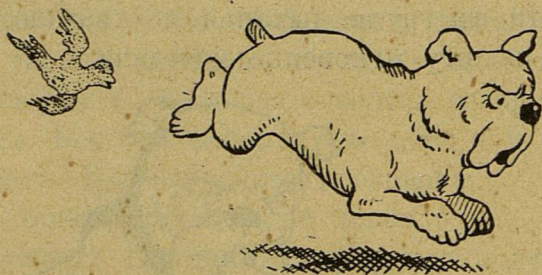


Копытомъ лошадь бьетъ
и на дыбы вставать
Готова. Воробей
клюетъ со всѣхъ сторонъ.
Рванулась лошадь — разъ!
и изъ оглоблей вонъ.
Дремавшій на возу
проснулся вдругъ возница,
Вскочилъ, бѣжить, кричить,
сталъ съ лошадыю возиться,
А въ это время возъ
немного наклонился.
И верхній окорокъ съ него
въ траву свалился.

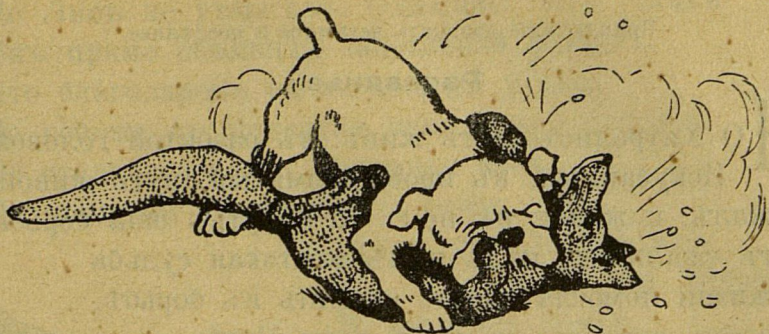
Морданъ слѣдилъ за всѣмъ, не отрывая глазъ.
„Мнѣ — цѣлый окорокъ? Мнѣ одному, заразь!“
Отъ радости въ груди дыханья не хватало,
А ветчина во рту мгновенно исчезала.



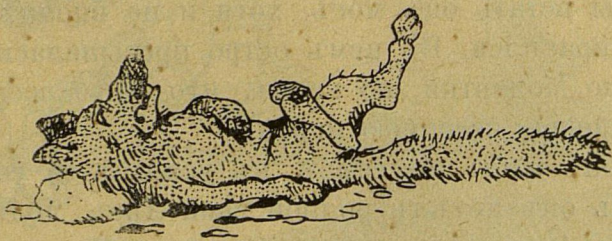
„Пикчикъ мой дорогой, теперь я сытъ вполнѣ,
Ты бодрость возвратилъ, вернулъ ты силы мнѣ.
За прекращеніе ужаснаго страданья,
Исполню тотчасъ же я всѣ твои желанья.“
„Ты здѣсь меня, Морданъ, немного подожди.“
И воробей летитъ. Опять тоска въ груди.
Мерещатся птенцы, ихъ слабенькія ножки...
У берега рѣки, подальше отъ дорожки,
Свернулся и заснулъ сномъ крѣпкимъ Хитролисъ.
Мгновенной тучкою надъ нимъ Пикчикъ повисъ
И быстро полетѣлъ къ Мордану онъ обратно,
Чтобъ мѣсто указать. „Помну я Лиса знатно!“
Песъ на бѣгу ворчалъ, „раздѣлаю его,
Чтобъ только отомстить за друга моего!



Спитъ, шельма рыжая! Я разбужу, прости.“
Онъ бросился, схватилъ, сталъ рвать, кусать, трясти.
Черезъ мгновеніе на мѣстѣ, гдѣ, клубкомъ
Свернувшись, Хитролисъ спалъ сладко,—рыжій комъ
Въ крови едва дышалъ, задравши жалко лапки.
Изломанныя всѣ, безсильныя, какъ тряпки.



И хвостъ, краса лѣсовъ и зависть всѣхъ звѣрей,
Валялся весь въ грязи, какъ коврикъ у дверей.



Приключеніе двадцать четвертое и послѣднее.

Раскаянье.

Но Хитролисъ былъ живъ: съ разбитой головой,
Икусанный, въ крови, измятый, чуть живой
Лежалъ, и жизни въ немъ со смертью шла борьба.
Тутъ сжалилась надъ нимъ жестокая судьба
И жизни помогла смерть одолѣть въ борьбѣ,
Пославъ спасеніе въ лицѣ козы Мэтбэ.
Коза его взяла. Она была добра.
Преловко вправила ему два-три ребра,
Настойки дѣлала, поила, растирала,
Умѣло знанія лекарки примѣняла,
И черезъ много дней и мѣсяцевъ, къ веснѣ,
На лапы встать онъ могъ, хотя и не вполне
Еще поправился. Въ немъ остро просыпалась
Тоска по Мопертви, по всемъ, что улыбалось
Ему далекою весеннею порой,
Когда онъ жилъ въ семьѣ, въ усадьбѣ за горой.
Увидѣть онъ хотѣлъ родной свой лѣсъ, долины.
Фигурки Рыжика и вѣрной Эрмелины
Вставали передъ нимъ, во снѣ съ нимъ рѣчь вели,
Манили лапками, на родину влекли.
Мэтбэ его тоску отлично понимала,
Но все же подождать просила. „Смысла мало
Теперь тебѣ итти: кость вправлена ноги,
Окрѣпнуть ты ей дай. Тебя тамъ ждуть враги:
И Бурь, и Тигрикъ-котъ и злобный Изенгринъ.
Еще насмотришься на синеву долинъ,
А сынъ твой и жена не очень будутъ рады,
Когда къ тебѣ враги подскочутъ изъ засады.“

Но Лисъ не утерпѣлъ. Однажды безъ утайки
Онъ прямо объявилъ заботливой хозяйкѣ,
Что благодаренъ ей за весь ея уходъ,
Но все же въ Мопертви немедленно поидеть.
Не стала возражать разумная коза,
Но мордочку ея увлажила слеза,

Когда, шатаясь, всталъ
несчастный Хитролисъ
И поплелся домой,
хвостъ опустивши внизъ.
Вечерній сумракъ плылъ,
прозрачно-золотистъ,
И, свѣжестью дыша,
раскрылся первый листь.



На лапки слабыя еще съ трудомъ ступая,
Шель тихо Хитролисъ и воздухъ пилъ, вздыхая,
А впереди, вдали, подъ новою луной
Вставалъ весенній лѣсъ прозрачною стѣной.
Пророчество Мэтбэ, конечно, оправдалось:
Что дома Хитролисъ—немедленно узналось.
На слѣдующій день пришли его враги
И, несмотря на боль ужасную ноги,

Связали Рыжаго и повлекли на судъ,
Прикрикнувши: „Молчи! Тамъ все, братъ, разберуть.“
„Король, молю простить меня великодушно...“
Такъ началъ Хитролисъ. „Ты знаешь, это скучно,“
Тряхнувши гривую, отвѣтилъ Благородъ.
„Помилованья нѣтъ, одинъ тебѣ исходъ.“
„О, сжался, государь великій, и внемли:
Мнѣ душу обновить путь до святой земли.
Жизнь, полную грѣха, я съ этихъ поръ покину,
Пойду паломникомъ смиреннымъ въ Палестину,
Когда же возвращусь къ землѣ моей родной.
То жалобъ на меня не будетъ ни одной.“
„Я“, подтвердилъ Толстунъ, „ручаюсь, государь,
Не будетъ Хитролисъ жить, какъ бывало встарь.
Вы бросьте на него вашъ благосклонный взглядъ:

Покорно онъ уйдетъ
и не придетъ
назадъ.“

Тутъ
Хитролису
вдругъ
такъ стало
грустно,
больно,





Что онъ расплакался, и сжалился невольно
Король. „Несчастнѣйшій!“ онъ тихо произнесъ.
„Обиду горькую ты самъ себѣ нанесъ.
Совсѣмъ тебя жалѣть не надо,

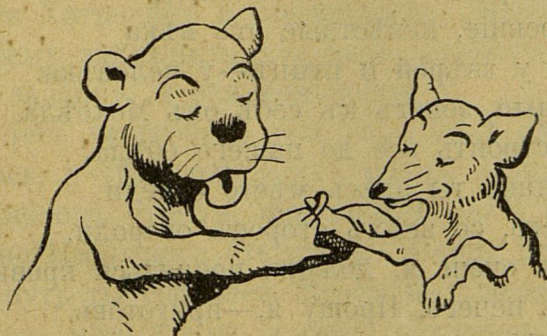
можетъ быть,
Но лучше сотни разъ простить,
чѣмъ разъ казнить.“

Къ лежавшему въ пыли
склонившись благосклонно,
Его приподнялъ онъ.

„Стремись же неуклонно
Путемъ раскаянья
и свѣтлыхъ, добрыхъ дѣлъ.

И добродѣтель пусть
да будетъ твой удѣлъ.“

Король былъ очень добръ. Не менѣе добра
Была жена его: кольцо изъ серебра
Она на лапочку преступника надѣла.



„Запомни, Хитролисъ, одно лишь только дѣло
Есть у тебя теперь: старайся не лукавить,
Насъ не обманывать и жизнь свою исправить.“
Поднявши лапочку съ подаркомъ королевы,
Звѣрей сталъ обходить и справа онъ, и слѣва,
И мирный все ему давали поцѣлуй.
Одинъ лишь Изенгринъ сказалъ: „Что ни толкуй,
А цѣловаться я съ предателемъ не стану.
Отъ всехъ твоихъ обидъ храню я въ сердцѣ рану.
И короля прошу позволить мнѣ съ тобой

Вступить въ послѣдній бой.“

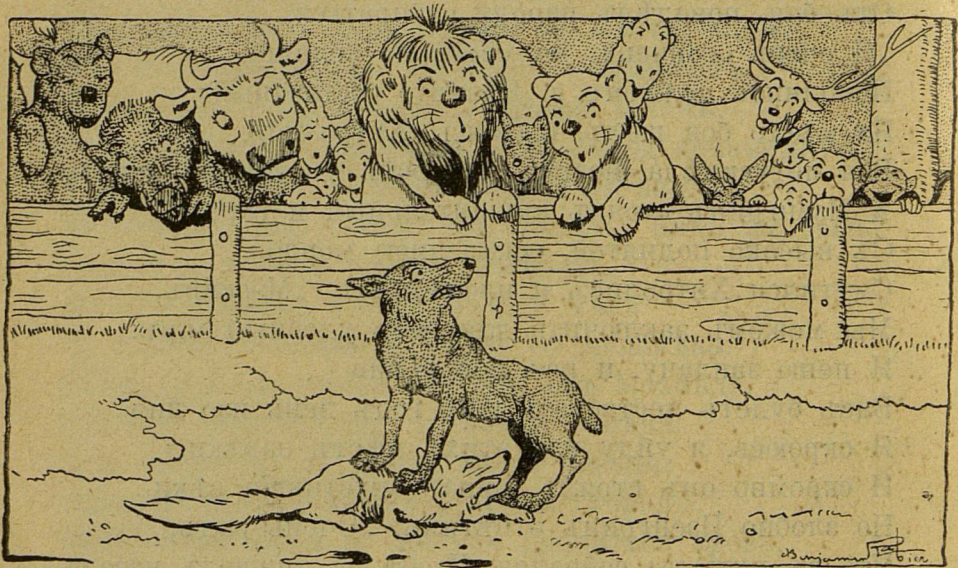
Былъ ловокъ Хитролисъ, судьба его щадила,
Природа хитростью въ немъ силу замѣнила;
Не сталъ бы онъ бѣжать никакъ отъ поединка
Въ дни прежніе свои, теперь же ноетъ спинка,
Все косточки болятъ, хромаетъ сильно онъ.
А отказать нельзя: таковъ звѣрей законъ.
Самъ Благородъ молчить. Онъ ссоры ненавидитъ
И драки, но и онъ возможности не видитъ
На вызовъ дать отказъ. Что дѣлать? Какъ же быть?
Нельзя и королю законы измѣнить,
Законы древніе, извѣстные отъ вѣка
Не только у звѣрей и птицъ—у человѣка.
Разстроенный, зоветъ къ себѣ онъ Мохоѣда.
„Прошу устроить все до нашего обѣда.
Для поединка ты здѣсь мѣсто отведи,
Сравняй его, со всехъ сторонъ огороди.
Разстроены очень я: должна пролиться кровь,
Но дѣлать нечего. Прошу я,—приготовь.“
Разумный Мохоѣдъ ушелъ въ сторонку съ волкомъ
И началъ увѣщать: „Да ты скажи мнѣ толкомъ,

Какую выгоду ты думаешь извлечь
Изъ шкурки, что сдерешь у Хитролиса съ плечъ?
Король такъ огорченъ, собранье недовольно,
На поединокъ вашъ смотрѣтъ всѣмъ будетъ больно.
Не менѣ тебя обиженные были
Среди звѣрей и птицъ, но всѣ они простили.
И, мстительность свою жестоко утоля,
Ты только навлечешь немилость короля.“
„Любезный Мохофдъ, не трать напрасно словъ,“
Волкъ прорычалъ въ отвѣтъ, „я отвѣчать готовъ
Передъ собраніемъ, народомъ, королемъ.
Иль я, иль Хитролисъ, но намъ не жить
вдвоемъ.“

Король, узнавъ, что волкъ не хочетъ отказаться
Отъ боя, повелѣлъ народу собираться.
„Я очень огорченъ, но маршала желанье
Исполнить долженъ я. Начните состязанье!“
На мѣсто боя шелъ, шатаясь, Хитролисъ.
Вся потускнѣла шерсть, и хвостъ къ землѣ повисъ,
А Изенгринъ стоялъ внушительный и гордый,
Съ высоко поднятой, оскаленною мордой.
Смутился Хитролисъ и прошепталъ: „Мэссиръ,
Мы можемъ заключить для васъ удобный миръ:
Я пеню заплачу, и вся моя родня
Васъ будетъ чествовать весь годъ день изо дня.
Я скроюсь, я уйду изъ этихъ мѣстъ навѣки.“
И скромно онъ стоялъ, внизъ опустивши вѣки.
Но злобно Изенгринъ отвѣтилъ: „Очень радъ,
Что въ путь ты собрался. Чтобъ не пришелъ назадъ,
Объ этомъ, милый мой, я самъ похлопочу.
Морданъ тебя училъ, я—лучше проучу.“

„Ты вотъ какъ,“ Лисъ сказаь, „тогда начнемъ борьбу.
Положимъ, ты сильнѣй, но вѣрю я въ судьбу.“

Бой начался. Глядитъ народъ
Черезъ заборъ и жадно ждеть,
Когда конецъ, кто побѣдитъ,
А бой идетъ, а бой кипитъ.
Но слишкомъ онъ неравенъ былъ.
Волкъ Хитролиса повалилъ
И, лапы въ спину уперевъ,
На торжество смѣнилъ свой гнѣвъъ.
Всѣ встали, начали вопить.
Побѣду волка объявить

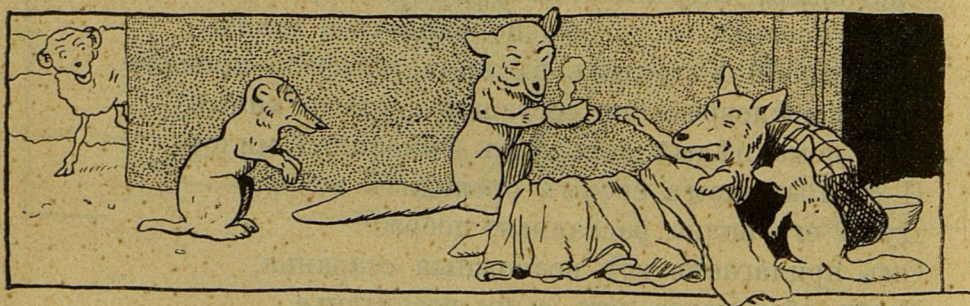


Хотѣлъ, поднявшись, Мохоѣдъ,
И всѣхъ звѣрей звалъ на обѣдъ
Король, какъ вдругъ приподнялся
Съ усильемъ Рыжій и впился
Въ животъ врага. Раздался крикъ,
И волкъ въ крови къ землѣ поникъ.
Гвалтъ поднялся, кричалъ народъ:
„Кто жъ побѣдилъ? Каковъ исходъ“?
И объявилъ всѣмъ Мохоѣдъ:
„Бой не рѣшенъ, побѣды нѣтъ.“

Заключеніе.

Съ глубокой жалостью, исполнена любви,
Лисица отвезла супруга въ Мопертви.
Отъ ложа, гдѣ онъ легъ, она не отходила,
Варила кушанья, лекарствами поила.
Онъ много дней лежалъ въ жару и безъ сознанья
И, видимо, терпѣлъ ужасныя страданья.
Но разъ по мордочкѣ горячая слеза
Скатилась. Хитролисъ, вздохнувъ, открылъ глаза.
Съ мгновенья этого онъ поправляться сталъ,
Но прежній Хитролисъ въ немъ навсегда пропалъ.
Онъ преждевременно состарился, сталъ хилый.
Онъ дома цѣлый день и съ Эрмелиной милой,
И съ Рыжикомъ своимъ проводить вечера.
Душа его полна раскаянья, добра.
Онъ прилагаетъ всѣ возможныя старанья,
Чтобъ образцовое дать сыну воспитанье.

Два сына старшіе, воришки и повѣсы,
Страшилища для куръ и всѣхъ звѣрушекъ лѣса,
Вполнѣ испорчены. Боюсь, чтобъ Худородъ
Безчестьемъ не покрылъ свой древній лисій родъ.
А что касается сына Сверлизабора,
Онъ созданъ, кажется, для лжи и для позора.
Но Рыжикъ не таковъ: отъ этого сына
Вся жизнь родителей становится легка.
Отрекся Хитролись отъ хитростей своихъ,
Мясного онъ не ѣсть, сталъ скромень, кротокъ, тихъ
Когда онъ думеть о жизни всей минувшей,
Въ туманахъ прошлаго навѣки потонувшей,
То содрогается, глядитъ вокругъ себя
И съ ужасомъ твердитъ: „Ужели то былъ я?“
Къ нему пріатели заходятъ повидаться.
Бесѣдѣ дружеской онъ любить предаваться.
Добрѣйшая Мэтбэ приходитъ иногда,
Баранъ Бэлэнь, все зло простившій навсегда,
Разумный Мохоѣдъ и вѣрный другъ барсукъ,
Избавившій его отъ гибели и мукъ.



И любить Хитролись въ вечерній часъ прощальный
Съ улыбкой повторять задумчиво-печальной:
„Прятнѣй ярыхъ бурь и вихрей вѣтерокъ, —
Любовь прекраснѣе и слаще, чѣмъ порокъ.“

К О Н Е Ц Ъ .



Цербетекая принцесса.

IX.

В домѣ остались одни дѣти съ гувернанткой и прислугой. Родителей нѣтъ. Они уѣхали.

Передъ отъѣздомъ Юганна-Елизавета тосковала еще больше, чѣмъ всегда, и на этотъ разъ у нея были на это болѣе серьезныя причины, чѣмъ когда-либо.

Умерла сестрица Фигхенъ, маленькая принцесса.

Фигхенъ радовалась сестрицѣ, но не успѣла даже и разсмотрѣть ее, какъ слѣдуетъ. Черезъ нѣсколько дней колыбелька уже стояла пустая. Сестрица умерла. Фигхенъ горько плакала. Сестрица была такая крошка, совсѣмъ какъ куколка, Фигхенъ уже мечтала о томъ, какъ будетъ дружить и играть съ нею, когда она подрастетъ.

Это будетъ, навѣрное, лучше и интереснѣе, чѣмъ съ Вилли и Фрицемъ. Они вѣчно только ссорятся, кричатъ, дерутся. Сестрица, у которой Фигхенъ успѣла разсмотрѣть голубые глазки, совсѣмъ другая. Не было похоже, что она станетъ драться. Съ нею будетъ отлично.

Такъ думала Фигхенъ, но изъ этого ничего не вышло. Отецъ уѣхалъ съ маленькимъ гробикомъ въ Цербстъ, чтобы поставить его въ фамильный склепъ, а когда вернулся въ Штеттинъ, то засталъ жену въ самомъ удрученномъ состоянїи.

Юганна-Елизавета бросила все свои привычныя любимыя занятія. Ничего не читала, не писала, говорила, что никогда больше не притронется къ лютнѣ, никогда больше не будетъ пѣть. Сидѣла молчаливая и блѣдная у себя въ комнатѣ, дѣтей старалась видѣть, какъ можно рѣже. Даже къ своему любимцу Вилли стала холоднѣе.

Христіанъ-Августъ испугался и увезъ жену къ ея матери, вдовѣ герцога Голштинъ—готторпскаго Альбертинъ-Фредерикъ, въ Гамбургъ.

Фигхенъ было уже семь лѣтъ, она осталась за старшую.

Юганна-Елизавета передъ отъѣздомъ позвала дочь къ себѣ въ комнату.

— Ты уже большая дѣвочка, Фигхенъ. Я поручаю тебѣ мальчиковъ. Всѣ твои куклы и игрушки я спрятала. Братья будутъ относиться къ тебѣ съ бѣльшимъ почтеніемъ, если ты не будешь играть.

Такъ сказала мама. Фигхенъ было немножко грустно разставаться съ куклами, но ее утѣшала мысль, что мальчики увидятъ, наконецъ, что она „старшая“.

Каждую недѣлю она два раза писала родителямъ о братьяхъ.

Это была очень тяжелая обязанность, и, прежде всего, потому, что „старшая“ писала съ трудомъ и съ большими ошибками. Фигхенъ приходилось сначала писать вчерно и потомъ переписывать, да еще по нѣсколько разъ. Какъ будто и ничего себѣ перепишетъ Фигхенъ, всего нѣсколько ошибокъ и строчки немного кривыя. Можно бы и отослать, а Бабетъ посмотритъ, покачаетъ головой и скажетъ:

— А всетаки тамъ бабушка, тѣти. Можно бы и еще постараться.

И самолюбивая Фигхенъ старается. У нея даже пальцы иногда сводитъ, такъ она старается, переписывая. Но, прежде чѣмъ написать и переписать письмо, онѣ долго вдвоемъ съ Бабетъ обсуждаютъ его содержаніе. Надо написать такъ, чтобы не разстроить маму. Но, вѣдь, нужно писать о мальчикахъ. А о нихъ, что напишешь утѣшительнаго?

Старшій, Вилли, играя, разбилъ себѣ голову. У этого Вилли всегда несчастія, а тутъ думали, что онъ убился до

смерти. Послѣ этого случая онъ долго хворалъ. У Фрица сдѣлалась вѣтряная оспа. Сначала испугались, думали, что настоящая.

Очень трудно было писать обо всемъ этомъ, чтобы вышло совсѣмъ не страшно.

Обыкновенно письма писались, когда мальчики были уже уложены спать, и часто за составленіемъ письма и дѣвочка и гувернантка засиживались очень долго.

— Ахъ, Боже мой, уже ночь!—съ испугомъ говорила Бабетъ.—А письмо все еще не кончено.

— Ничего, ничего. Мнѣ совсѣмъ не хочется спать, — успокаивала французенку Фигхенъ. Она не любила рано ложиться спать и радовалась, что письма нарушаютъ порядокъ дня. Теперь, даже въ тѣ дни, когда не писались письма, Бабетъ никакъ не могла настоять, чтобы Фигхенъ ложилась, какъ это было заведено раньше.

— Ты что-то поблѣднѣла. У тебя усталый видъ, — какъ-то замѣтила гувернантка.—Здорова ли ты, Фигхенъ?

Фигхенъ уже собиралась отвѣтить, что ей дѣйствительно нездоровится, но Бабетъ прибавила:

— Тебѣ необходимо опять начать во-время ложиться спать.

И Фигхенъ стала ее горячо увѣрять, что совершенно здорова. Только что она почувствовала себя „старшей“ и опять укладываться вмѣстѣ съ малышами! Ни за что! Мальчики были бы, конечно, въ восторгѣ. Они и такъ находятъ, что сестра не въ мѣру важничаетъ. Фигхенъ рѣшила скрывать свое нездоровье, а когда она принимала какое-нибудь рѣшеніе, то ужъ всегда приводила его въ исполненіе.

Съ каждымъ днемъ она чувствовала себя все хуже и хуже, но ей такъ хотѣлось быть здоровой, что она почти побѣждала болѣзнь. У нея тряслись ноги и кружилась голова,

когда, по обыкновенію, утромъ и вечеромъ вмѣстѣ съ братьями она становилась на колѣни на молитву, но, когда приходила ея очередь произносить вслухъ молитвенныя слова, голосъ ея звучалъ, какъ всегда, громко и увѣренно. Ночью ее душилъ кашель. Она натягивала на голову одѣяло, чтобы никто не слышалъ, что она кашляетъ. Не спрашивала она у Бабетъ и второго одѣяла, хотя въ постели ее трясла лихорадка.

— Не нравится мнѣ твой видъ,—говорила Бабетъ, подозрительно вглядываясь въ похудѣвшее лицо Фигхенъ. — Не написать ли мамѣ, что ты у насъ захирѣла?

Но этого Фигхенъ боялась больше всего на свѣтѣ. Ее оставили за старшую, ей поручили писать о братьяхъ. Она чувствовала себя, какъ часовой на важномъ посту. И что же? Часового приходится смѣнить! Ни за что.

И она такъ горячо увѣряла Кардель, что „съ нею ничего“, что та ей повѣрила. А вечеромъ въ тотъ же день Фигхенъ свалилась.

Какъ всегда, стала она на колѣни, какъ всегда, начала читать вслухъ молитву и вдругъ остановилась. Отъ сильнаго колотья въ боку у нея захватило духъ. Она закашлялась. Въ боку точно ножомъ рѣзнуло. Кашель не утихалъ. Отъ натуги и нестерпимой боли дѣвочка повалилась на полъ. Почти потеряла сознание. Очнулась уже въ постели.

— Только не пишите мамѣ и папѣ! Умоляю васъ, Бабетъ, не пишите! — Это были ея первыя слова, когда она пришла въ себя.

Но на этотъ разъ Бабетъ ея не послушалась, да и Фигхенъ скоро уже не могла ни о чемъ просить. Она лежала безъ памяти и не могла больше бороться съ болѣзнью. Болѣзнъ оказалась, наконецъ, сильнѣе дѣвочки. И, точно желая отплатить Фигхенъ за долгое сопротивленіе, точно опасаясь, что

дѣвочка отъ нея всетаки уйдетъ, она сразу и яростно схватила свою жертву.

Испуганные родители вернулись, какъ только получили извѣстіе о болѣзни дочери, но Фигхень уже не узнала ни отца, ни матери.

Иногда въ ней пробуждалось сознаніе. Точно сквозь сонъ, она различала плачущую мать, отца у своей постели. Потомъ смутно мелькали какіе-то чужіе незнакомые люди. Приходилъ кто-то высокій, весь въ черномъ. Онъ тормозилъ дѣвочку, растиралъ ее, давалъ какое-то питье.

Всѣ думали, что Фигхень придется везти въ Цербстъ въ фамильный склепъ, куда недавно увезли ея маленькую сестрицу. Такъ тяжело она была больна. Но, неожиданно для всѣхъ, ей вдругъ стало лучше.

— Я говорила, что ребенокъ, рожденный въ праздникъ, огражденъ отъ всякихъ бѣдъ. Вы увидите, что она скоро поправится,—повторяла сіяющая Кайнь.

Въ комнатѣ Фигхень тишина.

Худая и блѣдная лежитъ она въ постели. Она еще такъ слаба, что ее переворачиваютъ.

— Хочешь, я дамъ тебѣ твои куклы?—спрашиваетъ мама.

Но Фигхень не хочетъ куколъ. Она хочетъ оставаться большой. Да и отвыкла она отъ игрушекъ. Когда ей хочется поиграть, она дѣлаетъ себѣ человѣчковъ изъ пальцевъ или вертитъ куклу изъ носового платка.

Въ комнатѣ выздоравливающей Фигхень сидитъ безотлучно Бабеть. Вечерами приходитъ Больгагенъ со своими рассказами. Приходитъ и мама. Часто приносить съ собой вышиванье и тогда сидитъ подолгу у Фигхень. Заходитъ и отецъ. Онъ все еще не можетъ привыкнуть къ мысли, что его любимая дочь, наконецъ, спасена и весь точно свѣтится отъ своей большой и нежданной радости.

— Наша дѣвочка похорошѣла послѣ болѣзни,—говорить ему Юганна-Елизавета.

— Она умна и характеръ у нея хорошій. Это въ моихъ глазахъ имѣетъ, какъ ты знаешь, гораздо больше цѣнности, чѣмъ красота. Ты говоришь, она похорошѣла. Я нахожу, что она всегда была премиленькая.

— А я только теперь успокаиваюсь на ея счетъ. Начинаю надѣяться, что она не будетъ уродцемъ.—Говоря это Юганна-Елизавета была далека отъ мысли о томъ, что ее ждетъ ужасное разочарованіе.

Въ тотъ день, когда Фигхенъ встала съ постели и ее подняли, чтобы одѣть, оказалось, что она стала совѣмъ кривая. Правое плечо у нея сдѣлалось выше лѣваго, позвоночникъ шелъ зигзагомъ и въ лѣвомъ боку образовалась впадина.

Бабетъ и Кайнъ были въ отчаяніи и долго совѣщались, какъ предупредить отца съ матерью. Наконецъ сказали.

Юганна-Елизавета имъ сначала не повѣрила,

— Не можетъ быть! Фигхенъ — кривобокая! Вамъ это просто показалось.

И когда она, наконецъ, убѣдилась, что это не показалось, а дѣйствительно такъ, какъ говорили, то пришла въ совершенное стчаяніе.

— Это уже слишкомъ! Слишкомъ много испытаній посылаетъ мнѣ судьба: Вилли хромой, Фрицъ такого слабаго здоровья, что за него страшно, дѣвочка умерла... Я надѣюсь, что у Фигхенъ все это отъ слабости послѣ болѣзни и пройдетъ, когда она немного окрѣпнетъ.

Фигхенъ почти оправилась, но такъ и осталась кривобокой.

— Все кончено, все кончено, — говорила Юганна-Елизавета.—Всего лучше бы ей умереть. Несчастливая!

— Не гнѣви Бога, Іоганна,—съ непривычной строгостью остановилъ ее мужъ.—Надо благодарить Господа Бога, сохранившаго намъ ея жизнь.

— Но къ чему ей и жизнь, если она останется уродомъ?—воскликнула Іоганна-Елизавета.—Какая судьба предстоить ей? Страшно подумать!

— Прежде всего надо сдѣлать все, отъ насъ зависящее, чтобы ее вылечить. Я буду совѣтоваться со знающими докторами.

Но знающихъ докторовъ въ Штеттинѣ не было.

Христіанъ-Августъ ѣздилъ отъ одного къ другому, совѣтовался, исполнялъ въ точности всѣ совѣты—ничто не помогало. Фигхень покорно глотала всякія лекарства, ее мазали, растирали. Мать плакала и умоляла близкихъ не разглашать тайны.

— Можетъ быть, все обойдется, и дѣвочка сдѣлается опять прямой, а слава, что она кривобокая такъ и останется и тогда уже никто не захочетъ на ней жениться.

Мысль, что никто не захочетъ жениться на ея Фигхень, казалась ужасной Іоганнѣ-Елизаветѣ.

— Бѣдная принцесса и къ тому же еще кривобокая!

Іоганна-Елизавета въ отчаяніи ломала свои прекрасныя руки.

— Я отыщу человѣка, который ей поможетъ,—упорно повторялъ Христіанъ-Августъ.

И нашель.

Кто былъ этотъ человѣкъ, о томъ никто не зналъ ничего опредѣленнаго. Одни говорили, что это мясникъ, другіе называли его цирюльникомъ, третьи кузнецомъ, Фигхень же онъ показался настоящимъ разбойникомъ: такой у него былъ ужасный, отталкивающий видъ. Онъ пришелъ рано утромъ,

когда въ домѣ всѣ еще спали. Встрѣтили его Бабетъ и Кайнъ. Изъ всѣхъ домашнихъ только онѣ были посвящены въ тайну.

За окномъ сводчатой комнаты, выходявшемъ на замковый дворъ, чуть свѣтало. Зажгли свѣчи. Неожиданно азбуженной и пригрѣвшейся въ постели дѣвочкѣ было холодно и страшно. Ужасный человѣкъ осмотрѣлъ ее и приказалъ, чтобы каждое утро въ шесть часовъ дѣвочкѣ растирали плечо и позвоночникъ. Кромѣ того онъ самъ сдѣлалъ ей что-то вродѣ корсета. Корсетъ этотъ Фигхенъ должна была носить день и ночь. Снимать его позволялось только затѣмъ, чтобы смѣнить бѣлье.

Каждую недѣлю страшный человѣкъ приходилъ осматривать Фигхенъ.

Дѣвочку волновали его посѣщенія, волновала таинственность, которой они были обставлены и долгій мучительный осмотръ. Тяготилъ ее и грубо сдѣланный корсетъ, мѣшала и черная лента, которая шла вокругъ шеи, охватывала съ праваго плеча правую руку и была закрѣплена на спинѣ. Эту черную повязку велѣлъ носить все тотъ же таинственный человѣкъ. Первое время отъ одного ея вида Фигхенъ дѣлалось страшно. Потомъ она привыкла, старалась не замѣчать повязки.

Тяжелое это было время для Фигхенъ и тянулось оно безъ конца. Съ братьями ей играть было теперь трудно, а мать старалась, какъ можно меньше показывать ее чужимъ. Теперь Фигхенъ еще больше, чѣмъ прежде, проводила времени съ Бабетъ. Съ французенкой у нея все шло хорошо. Бабетъ давно перестала быть гувернанткой Фигхенъ. Онѣ были просто друзьями.

Бабетъ вообще удивительный человѣкъ. Училась она совсѣмъ мало, но знаетъ очень много, потому что у нея живой сообразительный умъ. И за Фигхенъ она хорошо слѣдитъ, все

видить, все замѣчаетъ. И это все потому, что она любитъ дѣвочку.

Перевязь на рукѣ мѣшаетъ Фигхенъ писать, и поэтому, вмѣсто всякихъ диктовокъ, списываній и уроковъ чистописанія, ей увеличили число разныхъ устныхъ уроковъ. Еще больше, чѣмъ всегда, стали задавать наизусть стиховъ изъ Библии, задають и басни Лафонтена. Фигхенъ постоянно что-нибудь зубрить. Говорять, что заучиваніе наизусть развиваетъ память. Съ того времени, какъ Фигхенъ стала кривобокой, ее особенно стараются развивать. Надѣются, что развитіе какъ-нибудь восполнить ея физическій недостатокъ.

Прибавили Фигхенъ и уроковъ Закона Божьяго.

Пасторъ строгій и суровый челоуѣкъ. У Фигхенъ выходятъ съ нимъ частыя недоразумѣнія. Онъ требуетъ, чтобы ученица внимательно слушала, все запоминала, но не задавала никакихъ вопросовъ. А Фигхенъ такъ не можетъ. Ей всегда хочется спрашивать. Ничего неяснаго и непонятнаго она не выносить.

Началось это съ самаго перваго урока. Пасторъ говорилъ о первыхъ дняхъ мірозданія и вскользь упомянулъ о томъ, что въ началѣ всего былъ хаосъ.

— Какъ хаосъ? Какой хаосъ? Что такое хаосъ?—всполошилась Фигхенъ, пораженная неслыханнымъ, непонятнымъ словомъ.

У пастора не было навыка объяснять дѣтямъ. Всѣ его ученики и ученицы покорно зубрили то, что онъ подчеркивалъ краснымъ карандашемъ. Объясненій никто никогда не спрашивалъ. Все ученье тогда было построено на зубрежкѣ. Зубрили тѣ, кто учился дома, зубрили въ школахъ, зубрили въ университетахъ. И вдругъ маленькая дѣвочка останавливаетъ пастора и проситъ объяснить непонятное слово.

Пасторъ удивился, но принялся объяснять. Только объяснялъ такъ неумѣло, что у Фигхенъ отъ его объясненій сдѣлался настоящей хаосъ въ головѣ. Этого она ужасно не любила, забунтовала, не захотѣла слушать дальше. Пасторъ разсердился, пошелъ жаловаться гувернанткѣ и объявилъ ей, что безъ розги ему будетъ трудно справиться съ ученицей.

— Но я не имѣю разрѣшенія отъ родителей примѣнять къ дѣвочкѣ этотъ родъ наказанія,—отвѣтила всегда находчивая француженка. А самой дѣвочкѣ Бабетъ замѣтила, что неприлично ребенку упорствовать передъ почтеннымъ пасторомъ, и что Фигхенъ слѣдуетъ подчиниться его мнѣнiямъ. Сказала она все это такъ кротко и ласково, что Фигхенъ смирилась. Бабетъ удивительно умѣла съ нею ладить. Больше никакихъ недоразумѣнiй съ пасторомъ не выходило. Онъ рассказывалъ, Фигхенъ слушала.

Суровый пасторъ особенно пространно и краснорѣчиво рассказывалъ ученицѣ про страшный судъ. У Фигхенъ холодѣли руки и останавливалось дыханiе, но она помнила наставленiе Бабетъ, молчала и ни о чемъ не спрашивала. Кончался урокъ, но Фигхенъ цѣлый день ходила вся перевернутая. Цѣлый день ей вспоминались разные ужасы. А къ вечеру, когда стало смеркаться, ей сдѣлалось совсѣмъ невыносимо. Бабетъ какъ разъ не было дома. Фигхенъ пошла въ залъ, гдѣ окошки выходили на середину двора, а не упирались въ стѣну, какъ въ дѣтской. Тамъ было свѣтлѣе и не такъ страшно. Фигхенъ стала ходить отъ одного конца комнаты до другого, она старалась не смотрѣть въ уже темные углы. Ей казалось, что тамъ, въ темнотѣ, притаились ужасы. Вотъ, въ комнатѣ еще стемнѣло. Что-то страшное зашевелилось по угламъ и поползло, протягивая къ дѣвочкѣ длинныя цѣпкiя руки. Фигхенъ вскрикнула и бросилась къ окну, гдѣ

еще былъ свѣтъ. Здѣсь она стояла и тихо плакала, не рѣшаясь двинуться съ мѣста.

Такъ ее застала Бабетъ.

— Вотъ ты гдѣ! Наконецъ то я нашла тебя, Фигхенъ. Но о чемъ же ты плачешь, моя дѣточка?

— Мнѣ страшно, Бабетъ. Я боюсь страшнаго суда!—И Фигхенъ, рыдая, рассказала гувернанткѣ все свои страхи. Бабетъ успокоила ее, какъ могла, и на другой же день попросила пастора быть осторожнѣе съ ученицей.

— Дѣвочка больная, съ ней нужна осторожность, не слѣдуетъ ее такъ пугать,—сказала она.

Такъ, по мѣрѣ силъ, Бабетъ заботилась о Фигхенъ.

— Дѣвочка умнѣе и развитѣе своихъ лѣтъ,—часто говорила гувернантка навѣщавшему ихъ по вечерамъ Больгагену. Старикъ любилъ дѣтей Христіана-Августа, какъ своихъ собственныхъ, а въ Фигхенъ души не чаялъ.

Теперь, когда она была больна, онъ особенно нѣжно и внимательно относился къ ней. Онъ не допускалъ мысли, что она останется кривобокой.

— Такая здоровая, крѣпкая натура. У нея это все должно пройти безслѣдно,—говорилъ Больгагенъ и говорилъ это съ такой увѣренностью, что и сама Фигхенъ начинала вѣрить, что придетъ время, когда она сброситъ тяжелый корсетъ и страшную повязку.

Однажды онъ принесъ съ собой газету и прочелъ вслухъ Бабетъ и Фигхенъ сообщеніе о свадьбѣ принцессы Саксенъ-Готской, троюродной сестры Фикке, съ принцемъ Уэльскимъ.

— Ну, правду сказать, эта принцесса воспитана гораздо хуже, чѣмъ наша, да она совсѣмъ и не красива, а вотъ, однако, ей суждено стать королевой Англіи. Кто знаетъ, что станетъ съ нашей.

Фигхенъ встрепенулась. Это было въ первый разъ послѣ ея болѣзни, что заговорили о ея будущемъ. До этихъ словъ Фигхенъ всегда чувствовала, что всѣ ее жалѣютъ, что всѣ увѣрены, что ничего хорошаго ей предстоять не можетъ. И вдругъ Больгагенъ пришелъ и говоритъ, что еще неизвѣстно, что съ нею будетъ. Можетъ быть, она сдѣлается даже королевой. Вотъ какъ сказалъ Больгагенъ. Значитъ, онъ находитъ, что она ужъ не такъ безобразна, не такъ кривобока.

Фигхенъ взглянула на Бабетъ. Та молчала, опустивъ глаза, и по ея лицу было видно, что она плохо вѣритъ въ блестящую будущность своей воспитанницы.

Фигхенъ сразу точно потухла.

Больгагенъ говорилъ о нравственныхъ добродѣтеляхъ, особенно необходимыхъ коронованнымъ особамъ. Говорилъ онъ всегда, точно проповѣдывалъ. Удрученная Фигхенъ его не слушала. Бабетъ тоже не слушала, думая о своемъ, и лицо у нея было печальное.

— Какъ жаль, что судьба людей до такой степени зависитъ отъ внѣшнихъ качествъ, — вдругъ неожиданно и не къ мѣсту сказала она, когда Больгагенъ, наконецъ, замолчалъ.

Фигхенъ, молча, крѣпко поцѣловала Бабетъ. Она поняла, что Бабетъ думала о ней и жалѣла ее.

X.

Бабушка узнала, что съ внучкой случилось несчастіе и прислала письмо Іоганнъ-Елизаветъ.

„Я увѣрена, что бѣда не такъ ужъ непоправима, какъ ты думаешь. Привози Фигхенъ поскорѣе въ Гамбургъ. Здѣсь есть искусный докторъ. Онъ ей поможетъ.“

И Фигхенъ неожиданно очутилась въ Гамбургѣ. Собра-

лись онѣ съ матерью очень быстро и никого, кромѣ Кайнѣ, съ собой не взяли. Даже Кардель оставили дома.

Была осень. Старый паркъ при замкѣ стоялъ, точно осыпанный червонцами, и старый замокъ изъ сѣраго камня казался среди яркихъ осеннихъ красокъ еще старше и сѣрѣе. Въ замкѣ вдовствующей герцогини жили тихо и замкнуто. Гостей почти не бывало.

Дремавшій на своемъ посту часовой встрепенулся отъ стука колесъ, разглядѣлъ карету Юанны-Елизаветы уже у подъемнаго моста и со всѣхъ ногъ бросился къ колоколу. Мостъ спустили. Старикъ камердинеръ трясущимися руками распахнулъ передъ гостями тяжелую дубовую дверь.

На Фигхенѣ пахнуло холодомъ. Она прижалась къ матери. Такъ прошли онѣ цѣлый рядъ приѣмныхъ комнатъ, съ давно не открывавшимися окнами. Гулко раздавались шаги по каменнымъ, не покрытымъ коврами, коридорамъ, гулко хлопали за ними дубовыя двери.

Вотъ, наконецъ, и бабушкина комната. Здѣсь хорошо и уютно. Сквозь пестрыя стекла высокихъ оконъ въ комнату падаетъ слабый свѣтъ и борется съ огнемъ, разведеннымъ въ каминѣ. На пюпитрѣ въ углу библія и молитвенникъ. Толстый коверъ на полу. На стѣнѣ портреты, нарисованные на слоновой кости. Въ углу постель подъ занавѣсью изъ вылинявшаго шелка.

И сама бабушка такая милая. Прическа у нея совсѣмъ особенная. Волосы причесаны гладко-гладко, ихъ почти не видно подъ чернымъ кружевомъ. Бабушка всегда ходитъ въ черномъ. Черное шелковое платье, на шеѣ кружевной воротничекъ. Ничего больше. Фигхенѣ очень любитъ бабушку. Бабушка не находитъ, что у нея плохой видъ.

— Если бы не безобразная повязка черезъ плечо,—гово-

рить она,—никому и въ голову не пришло бы, что наша Фигхень кривая. Увѣряю тебя, Юганна.

И, дѣйствительно, путешествіе и перемѣна мѣста такъ оживили дѣвочку, что она кажется совсѣмъ здоровой.

Но это только кажется въ первую минуту. Присмотрѣвшись къ внучкѣ, бабушка перестала говорить, что ничего не видно, а тетя Анна, сестра Юганны-Елизаветы, жившая съ матерью, такъ та прямо при Фигхень объявила:

— Нечего и доктора звать. И такъ видно, что это непоправимо.

Потомъ пріѣхала изъ монастыря старшая сестра Юганны-Елизаветы—Гедвига съ аббатиссой, сестрой бабушки.

Обѣ онѣ, какъ только имъ показали дѣвочку, въ одинъ голосъ сказали, что „это сразу бросается въ глаза“ и стали уговаривать мать примириться съ несчастіемъ.

Но бабушка все таки позвала стараго и важнаго доктора.

Онъ долго осматривалъ Фигхень, а потомъ долго молчалъ и долго стоялъ, опершись на палку, а бабушка, и мама, и тѣти тоже молчали и со страхомъ ждали, что скажетъ знаменитый докторъ. И, когда всѣ, наконецъ, устали ждать, онъ объявилъ, что слѣдуетъ продолжать то, что уже предписано—носить корсетъ и повязку и растирать по утрамъ больное плечо и спину.

— И она поправится? — вся блѣдная, дрожащимъ голосомъ спросила Юганна-Елизавета.

— Не знаю. Все зависитъ отъ силы организма,—отвѣтилъ докторъ и съ этимъ ушелъ.

— Бѣдная дѣвочка, ты и спишь въ этомъ ужасномъ корсетѣ?—участливо спрашивала Фигхень аббатисса. Не смотря на свое черное одѣяніе, она походила на засушенный цвѣтокъ,—такая она была красивая и, въ то же время, безцвѣтная и сухая.

— Такъ никогда и не снимаешь его?—добивалась тетка Гедвига.—Бѣдняжка! Тебя ждетъ монастырь.

И принцесса тяжело вздохнула. Уже нѣсколько лѣтъ она жила въ монастырѣ, гдѣ настоятельницей была сестра ея матери. Она не была кривобока, напротивъ, держалась даже слишкомъ прямо, была прекрасно воспитана, хорошо знала языки и всетаки кончила монастыремъ. Съ бѣдными принцессами это часто бывало.

Фигхень тоже бѣдная и къ тому же еще кривобокая. Тѣткѣ стало жаль племянницу. Захотѣлось ее утѣшить.

— Въ монастырѣ не такъ ужъ плохо, Фигхень. Все дѣло въ привычкѣ. У меня же, кромѣ того, есть утѣшеніе. Мои звѣри всегда со мной.

Тѣтя Гедвига ужасно любила мопсовъ. Въ ея комнатѣ вмѣстѣ съ нею жили шестнадцать собакъ со щенками и нѣсколько попугаевъ. Когда принцесса выѣзжала, полъ-дюжины собакъ всегда садились въ ея коляску. Даже, когда она ѣздила въ церковь, собаки ждали ее въ коляскѣ. И къ матери принцесса взяла своихъ любимцевъ.

— Приходи ко мнѣ въ комнату, Фигхень, — пригласила она племянницу.—Я покажу тебѣ моихъ мопсиковъ. Премиленькіе!

— Премиленькіе!—возмутилась бабушкина сестра.—У тебя отъ нихъ такой воздухъ, что можно задохнуться.

— Тѣ, кому они не нравятся, могутъ не утруждать себя посѣщеніями,—обиженно отозвалась принцесса Гедвига.

— А всетаки было бы лучше, если бы ты меньше увлекалась этимъ несноснымъ звѣрьемъ. Благодаря твоей сидячей жизни, ты сдѣлалась настоящимъ боченкомъ,—ворчливо сказала аббатисса.

Принцесса Гедвига дѣйствительно была очень мала рос-

томъ и страшно растолстѣла въ монастырѣ. Сравненіе съ боченкомъ ее укололо.

— Всякій живетъ по своему вкусу,—проговорила она и вся покраснѣла.—Что же дѣлать, если я предпочитаю животныхъ людямъ, которые постоянно дѣлаютъ и говорятъ непріятности другъ другу.

— Это ты про меня?—спросила тетка, и глаза ея сдѣлались острыми.

— Ради Бога, не ссорьтесь,—остановила ихъ перепуганная бабушка. Эти двѣ голштинскія принцессы, обреченныя судьбой жить въ одномъ монастырѣ, славились своими ссорами. Онѣ только что помирились у бабушки Фигхенъ, а до этого, живя подъ одной кровлей, цѣлый годъ не разговаривали другъ съ другомъ.

— Фигхенъ, ты пройдешь теперь въ свою комнату. Тебѣ надо отдохнуть съ дороги,—обратилась бабушка къ внучкѣ, замѣтивъ, что дѣвочка какъ-то сразу осунулась. И Фигхенъ ушла.

„Тебя ждетъ монастырь!“

Эти слова тети Гедвиги врѣзались въ памяти Фигхенъ. Въ комнатѣ ей не сидѣлось, казалось тѣсно и душно. Пользуясь тѣмъ, что съ нею нѣтъ Кардель, Фигхенъ побѣжала въ паркъ.

Багряный осенній закатъ. Золото и пурпуръ на деревьяхъ, а на небѣ внизу, у самой земли, куда спряталось солнце,—точно застрялъ край чьей-то пурпуровой съ золотомъ мантии.

„Тебѣ предстоитъ монастырь!“

И вдругъ все существо маленькой Фикке возмутилось противъ этого приговора. Она потрянула головой, и порывъ вѣтра, уносившій съ дорожки сухіе опавшіе листья, вѣроятно, захватилъ съ собой и эти слова, какъ что-то совсѣмъ ненужное, потому что Фигхенъ больше не думала о нихъ. Она носилась

по саду, взбѣгала на все пригорки, заглядывала во все уголки. Щеки ея раскраснѣлись отъ бѣготни и отъ осенняго воздуха, глаза блестѣли, волосы выбились изъ прически и спустились на плечи.

— Что съ тобой? Откуда ты?— испуганно спросила Юганна-Елизавета. Фигхенъ натолкнулась на нее въ коридорѣ, пробѣгая въ свою комнату. Уже почти стемнѣло и въ саду оставаться было нельзя.

— Я думала, ты спишь. Вотъ, что значить оставлять тебя безъ надзора, сумасбродная дѣвочка! Еще такъ недавно ты была больна, вечеръ такой холодный... И въ какомъ ты ужасномъ видѣ! Бѣги поскорѣе къ Кайнъ. Она поправитъ тебѣ прическу, перемѣнитъ платье. Я буду ждать тебя у бабушки.

Вечеромъ и мама, и тети, и сама бабушка опять говорили о томъ, что будетъ съ Фигхенъ.

Абатисса обѣщала похлопотать, чтобы внучку приняли въ институтъ при Герфордскомъ монастырѣ.

— Ничего лучшаго и вообразить себѣ нельзя. Настоятельница тамъ всегда имперская принцесса. Воспитанницы все изъ знатнѣйшихъ семействъ. И дортуары, и залы, и садъ все за высокими стѣнами, заросшими каприфолиями и дикими розами. Съ террасы видъ на окрестности, на городъ, окруженный стѣнами съ круглыми башнями, съ валами, съ бастіонами. Разъ въ годъ тамъ бываетъ ярмарка. Знаменитая Герфордская ярмарка... Изъ монастыря она всемъ видна, какъ на ладони.

Фигхенъ почему-то вспомнилась Софія-Шарлотта, вспомнилась ярмарка, о которой ей рассказывалъ Больгагенъ.

— Не правда ли, Фигхенъ, хорошо попасть въ этотъ институтъ?— обратилась къ ней бабушка

— Я не хочу въ институтъ,— мрачно и рѣшительно отвѣтила Фигхенъ.

И бабушка и тети возмутились.

— Какъ не хочешь? Да это счастье попасть туда. Надо много хлопотать прежде, чѣмъ примуть. Какая глупая дѣвочка!

И мама тоже напала на Фигхенъ.

— Вотъ, она какая! Рукодѣлій совсѣмъ не любить, и всѣ наклонности у нея чисто мальчишескія. Это будетъ отлично, если ее примуть въ институтъ. Дисциплина тамъ строгая и шесть разъ въ день дѣвочекъ сзываютъ на молитву.

Фигхенъ вздохнула свободнѣе, когда мама съ тетями пошли въ сосѣднюю комнату и стали играть въ шахматы. Теперь она могла поговорить съ бабушкой о томъ, что ей было дѣйствительно интересно.

На стѣнѣ виситъ лютня на вылинявшей лентѣ.

— Чья это лютня, бабушка?

— Моя, Фигхенъ. Я прежде играла и пѣла, какъ твоя мама.

— А портреты чьи, бабушка? Вотъ это кто?—указываетъ Фигхенъ на одинъ изъ портретовъ на стѣнѣ. Тонкое юношеское и очень красивое лицо. Что-то въ немъ напоминаетъ Іоганну-Елизавету.

— Это мой старшій сынъ, братъ твоей матери. Онъ умеръ въ Московіи.

Московія! Опять оживаетъ полузабытая сказка. Бѣлые снѣга, золотыя церкви, колокольный звонъ.

— Расскажи мнѣ о дядѣ, бабушка. Какъ онъ попалъ въ Московію?

— Онъ былъ женихомъ дочери царя Петра Великаго.

— Петра Великаго? Того самаго царя, который пріѣзжалъ подъ чужимъ именемъ и подарилъ свою табакерку королевѣ Софіи-Шарлоттѣ?

Фигхень задыхается отъ волненія.

— Расскажи мнѣ все, бабушка,—умоляющимъ голосомъ говоритъ она.

За окномъ воетъ осенній вѣтеръ. Въ комнатѣ тепло. Трещать дрова въ каминѣ. Изъ сосѣдней комнаты слышатся голоса играющихъ. Бабушка тихимъ голосомъ рассказываетъ о томъ, что уже прошло и на что жизнь, точно осень, намела цѣлый ворохъ желтыхъ мертвыхъ листьевъ. Нѣжно звучитъ старческій голосъ, любящей памятью расчищаетъ старая мать узкую тропу въ заглохшемъ лѣсу воспоминаній. Оживаетъ прошлое.

— У Петра Великаго было двѣ дочери, двѣ царевны-красавицы. Младшая Анна вышла замужъ за герцога Голштинскаго и умерла.—Не могла выдержать жизни на чужбинѣ, все тосковала о своей далекой родинѣ. Послѣ нея остался маленькій сынъ. Ему было всего нѣсколько недѣль, когда умерла мать. Онъ приходится тебѣ, Фигхень, троюроднымъ братомъ и всего на годъ старше тебя.

— Гдѣ же онъ живетъ?—спрашиваетъ дѣвочка.

— Онъ живетъ въ Килѣ, въ своемъ дворцѣ. У своего отца живетъ.

Фигхень хочетъ подробнѣе разспросить про мальчика, но бабушка уже рассказываетъ дальше и еще интереснѣе.

— Вторая дочь, Елизавета, такая красавица, что ее сватали всѣ короли Европы, но она всѣмъ отказывала, потому что полюбила твоего дядю. Уже день свадьбы былъ назначенъ, когда женихъ вдругъ захворалъ оспой. Черезъ нѣсколько дней его не было въ живыхъ. Принцесса Елизавета была безутѣшна и дала обѣтъ, что никогда не выйдетъ замужъ.

— Она пошла въ монастырь?—спросила Фигхень.

— Нѣтъ, не пошла.

— Что же она дѣлаетъ?

— Живетъ, какъ жила,—отвѣтила бабушка.— Горе сдѣлало ее еще болѣе доброй, болѣе чувствительной къ чужому горю. Говорятъ, она много помогаетъ несчастнымъ, и ее всѣ обожаютъ.

„Замужъ не вышла и въ монастырь не пошла. Живетъ себѣ среди золотыхъ церквей красавица, привѣтливая, ласковая, добрая“.

Въ любимую сказку вплетаются новые узоры. Холодная снѣжная страна уже не представляется Фигхенъ пустыней съ той поры, какъ она узнала, что тамъ живетъ красавица-принцесса. Бродитъ по снѣгамъ, тоскуетъ по женихъ, слушаетъ колокольный звонъ.

XI.

Семья принца Христіана-Августа проводила лѣто въ Дорнбургѣ, недалеко отъ Цербста. Тамъ у отца Фигхенъ была небольшая дача съ большимъ садомъ на берегу Эльбы. Родители надѣялись, что дѣти поправятся и окрѣпнутъ среди деревенскаго приволья.

Здѣсь Фигхенъ пользовалась полной свободой. Уроковъ, кромѣ занятій съ Бабетъ,—никакихъ. Позаймутся утромъ какой-нибудь часъ и обѣ бѣгутъ въ садъ. Но Фигхенъ все мало. Никогда она не можетъ набѣгаться до сыта. Бабетъ всегда засадитъ дѣвочку въ комнату раньше времени. Но за то, стоитъ только Бабетъ выйти изъ комнаты, и Фигхенъ уже на лѣстницѣ. Лѣстница высокая, каменная, въ четыре спуска. Фигхенъ загадываетъ, сколько разъ она успѣетъ спуститься и подняться, пока не вернется Бабетъ и бѣжитъ сверху внизъ, потомъ снизу вверхъ по лѣстницѣ. А слышитъ шаги

Кардель — и летитъ къ себѣ въ комнату. И когда войдетъ Бабетъ, Фигхень, какъ ни въ чемъ ни бывало, уже тихо и смиренно сидитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставили.

— Я васъ дожидаюсь, Бабетъ, — говоритъ она, а сама чуть не задыхается отъ смѣха.

Фигхень крѣпла съ каждымъ днемъ и, точно стараясь наверстать то время, когда лежала въ постели, бѣгала и все не могла набѣгаться. А настоящаго товарища для бѣготни и всякихъ игръ у нея не было. Вилли совсѣмъ расхворался и лежалъ въ постели. Ногѣ его становилось все хуже и хуже. Фрицъ былъ малышъ. А Бабетъ, хоть и бѣгала, но была такая толстуха, что долго бѣгать совсѣмъ не могла. Сейчасъ устанетъ и задохнется, и больше не хочетъ бѣгать. Говоритъ, что ей надо читать или работать.

Такъ и сегодня, Фигхень только что разбѣгалась, а Бабетъ уже зоветъ ее въ комнату.

— Я почитаю вслухъ, а ты поработаешь. Пора тебѣ кончать покрышку на аналой цербстской церкви. Вѣдь, еще весной начала вышивать. Мы непременно отвеземъ ее въ воскресенье, когда поѣдемъ въ церковь.

Но Фигхень не любитъ руководѣльничать. И день такой чудесный. Пчелы кругомъ такъ и гудятъ. Почуяли, что зацвѣла липа. А въ овражкѣ, около каменной садовой стѣны, поспѣваетъ малина. Фигхень только что собралась сбѣгать туда. Но Бабетъ хочетъ въ комнату. Устала она и жарко. И Фигхень должна итти домой. Одну въ саду ее не оставляютъ. Съ Вилли иногда позволяли поиграть передъ домомъ, но Вилли лежитъ. Съ Фрицемъ скучно, онъ маленькій. Нѣтъ у Фигхень товарища. А хорошо было бы найти какого-нибудь мальчика. Только непременно мальчика. Дѣвочекъ Фигхень не любила. Онѣ всѣ плаксы и размазни.

И вдругъ уже у самыхъ дверей дѣтской, вспомнила Фигхень, что у нея есть троюродный братъ. Бабушка ей рассказала о немъ. Матери у него нѣтъ. Сирота онъ. Можетъ быть, и ему тоже скучно одному. Фигхень запомнила, что мальчикъ какъ разъ на годъ старше ея. Ей десятый годъ а ему, значить, одиннадцатый...

— Бабеть, я сбѣгаю на минутку къ мамѣ.

Черезъ минуту Фигхень уже въ комнатѣ матери.

Та что-то писала у своего письменнаго стола. Увидѣвъ Фигхень, подняла голову и ждала, что ей скажетъ дѣвочка.

— Какъ поживаетъ мой троюродный братъ, тотъ, который живетъ въ Килѣ?

Вопросъ былъ такой неожиданный, что Юганна-Елизавета даже, какъ будто, не сразу сообразила, о комъ спрашиваетъ дочь.

— А, это ты, должно быть, спрашиваешь про герцога Карла-Петра-Ульриха? Но почему ты вдругъ о немъ вспомнила, Фигхень?

— Я подумала, что хорошо бы его пригласить къ намъ въ Дорнбургъ. Здѣсь такъ чудесно. Только мнѣ не съ кѣмъ ни играть, ни бѣгать. И ему тоже, вѣрно, не съ кѣмъ. Нѣтъ у него ни сестры, ни брата, и мама его умерла. И ему одиннадцатый годъ. Намъ будетъ отлично вдвоемъ. Пригласи его сюда, мама,—умоляющимъ голосомъ говорила Фигхень.

Но мать только засмѣялась въ отвѣтъ, а потомъ, когда Фигхень стала приставать, сказала:

— Невозможно это, дѣвочка.

Но Фигхень не унималась. Она умѣла быть очень настойчивой, когда ей чего-нибудь очень хотѣлось. А хотѣлось ей всегда все знать до точности,—какъ и почему. Юганнѣ-Елизаветѣ пришлось объяснить дѣвочкѣ, почему она считаетъ

невозможнымъ, чтобы маленькій герцогъ пріѣхалъ къ нимъ въ Дорнбургъ.

— Видишь, Фигхень, твой троюродный братъ совсѣмъ не такъ свободенъ, какъ ты. Ты маленькая и пока никому не нужна принцесса, о которой знаютъ только родные и самые близкіе люди, а герцога Карла-Петра-Ульриха уже съ самого его рожденія ждуть три короны.

— Три короны?—Фигхень никакъ этого не ожидала.

Она думала, что голштинскій троюродный братъ совсѣмъ обыкновенный мальчикъ, съ которымъ можно бѣгать и играть, оказывается, что у него цѣлыхъ три короны.

— По отцу онъ наслѣдникъ Голштиніи, — объясняла между тѣмъ Юганна-Елизавета, — но еще, кромѣ голштинской короны, онъ, какъ родственникъ шведскаго короля, имѣетъ всѣ права на шведскую корону. Кромѣ того онъ внукъ Петра Великаго со стороны матери.

— Да, бабушка говорила, его мать старшая дочь Петра Великаго, а другая Елизавета—красавица—та его младшая дочь. Я помню, все помню,—вдругъ оживилась Фигхень.

— И, какъ внукъ Петра Великаго, онъ имѣетъ всѣ права на русскую корону,—продолжала Юганна-Елизавета.

— Такъ онъ будетъ царемъ Московіи?—задышающимся голосомъ спросила Фигхень.

— Нѣтъ, теперь уже не будетъ.—отвѣтила мать.—Престоль перешелъ къ другой линіи. Прямые наслѣдники, царевна Елизавета и герцогъ Петръ-Ульрихъ, обойдены. Но у маленькаго герцога всетаки остались еще двѣ короны и его теперь воспитываютъ, какъ будущаго короля Швеціи. У него много учителей, онъ окруженъ придворными. Однимъ словомъ, онъ живетъ совсѣмъ по другому, чѣмъ ты. Бѣгать и играть въ Дорнбургѣ герцогу некогда. Вѣдь, ты понимаешь теперь, что его просто не пустятъ сюда.

Фигхенъ только молча кивнула головой.

Три короны! Голштинскій герцогъ уже не казался ей близкимъ и подходящимъ товарищемъ. Даже троюроднымъ братомъ онъ ей уже больше не представлялся. Но забыть его она не могла и все думала о герцогѣ Карлѣ-Петрѣ-Ульрихѣ съ тремя коронами. На годъ только старше ея—и уже три короны! Въ Дорнбургѣ, среди приволья деревенской жизни, короны казались Фигхенъ тяжелыми. Маленькому герцогу навѣрное не позволяютъ въ волю бѣгать у себя въ Килѣ, какъ бѣгаетъ теперь Фигхенъ. Вѣдь, и ей прежде не позволяли. До ея болѣзни она каждый часъ проводила по росписанію. И ей все повторяли, что принцессѣ нельзя этого и того нельзя. Теперь Фигхенъ дѣлаетъ, что хочетъ, и о томъ, что она принцесса, ей больше не напоминаютъ. Можетъ быть, все это оттого, что она стала кривобокой? На минуту Фигхенъ сдѣлалось грустно, но это скоро прошло.

Въ раскрытое настежь окно такъ весело щебетали птицы, такъ ярко блестѣли на листьяхъ еще не высохшія капли только что пролившагося дождя, что ее потянуло въ садъ, а тамъ было такъ хорошо, что она сразу забыла герцога Петра-Ульриха съ его тремя коронами.

XII.

Напомнили ей о немъ другіе.

На слѣдующій годъ, лѣтомъ, семья Христіана-Августа опять собралась въ Дорнбургѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ Іоганна-Елизавета получила письмо изъ Гамбурга.

Письмо подали, когда Фигхенъ была въ комнатѣ матери. Іоганна-Елизавета поторопилась разорвать конвертъ и стала

читать, быстро бѣгая глазами по строчкамъ. Любопытная Фигхень не спускала съ нея глазъ. По лицу матери, по тому, какъ она читала, какъ переворачивала листы, было видно, что ей написали о чемъ-то очень интересномъ. Наконецъ, Юганна-Елизавета дочитала послѣднюю страницу, опустила листы и, вся взволнованная, вдругъ замѣтила смотрявшую на нее въ упоръ Фигхень. О ней она какъ-то совсѣмъ позабыла.

— Ты еще здѣсь, дѣвочка?— съ удивленіемъ и разбѣянно спросила она. И видя, что Фигхень не трогается съ мѣста и ждетъ отъ нея какой-нибудь новости, прибавила:

— Вотъ, пишутъ, что у твоего троюроднаго брата, герцога Петра-Ульриха изъ Киля, новое горе. У него умеръ отецъ. Фигхень даже руками всплеснула.

— Какъ же это? Мамы у него давно уже нѣтъ, а теперь, еще и безъ отца! Значить, теперь онъ совсѣмъ, совсѣмъ одинъ,— съ отчаяніемъ проговорила она. Мать увидѣла испуганные, полные слезъ глаза дѣвочки и поспѣшила ее утѣшить. Сказала, что, конечно, грустно, что мальчикъ остался и безъ матери и безъ отца, но одинокимъ онъ никогда не будетъ. О наслѣдникѣ шведской короны всегда будетъ кому позаботиться.

— Опекуномъ къ нему назначенъ мой братъ, твой дядя.

И по тому, какъ сказала мать эти послѣднія слова, Фигхень поняла, что назначеніе брата опекуномъ маленькаго герцога ей очень пріятно и что именно это она считаетъ самымъ главнымъ изъ всего письма.

— А теперь иди къ Бабетъ, Фигхень.— Это была обычная фраза Юганны-Елизаветы, когда она почему-нибудь хотѣла избѣгать вопросовъ, иногда не въ мѣру любопытной дѣвочки.

И Фигхенъ пошла къ Бабетъ и на этотъ разъ, какъ почти всегда, получила отъ нея все, что ей было нужно.

Когда Фигхенъ рассказала о своемъ троюродномъ братѣ, у котораго уже не было матери, а теперь умеръ и отецъ, Бабетъ ничего дальше не стала и слушать. Сказала только: „бѣдняжка!“ и залилась слезами. Въ томъ, что Фигхенъ говорила дальше о какихъ-то коронахъ и опекунѣ, то-есть во всемъ томъ, что ей самой было несовсѣмъ понятно, Бабетъ тоже ровно ничего не поняла, да и не захотѣла понимать. Сейчасъ онъ все равно маленькій бѣдный мальчикъ, и, навѣрное, не думаетъ ни о какихъ коронахъ. Бѣдняжка!

Фигхенъ обняла Бабетъ, и онѣ вмѣстѣ заплакали. Отъ этихъ слезъ у Фигхенъ стало легче на душѣ и яснѣе въ головѣ, а герцогъ Петръ-Ульрихъ изъ Киля уже представлялся ей не герцогомъ, а просто троюроднымъ братомъ. И опять ей захотѣлось пригласить его въ любимый Дорнбургъ. Пригласить, обласкать, утѣшить. Неужели его и теперь не пустятъ? Неужели она такъ никогда и не увидитъ его? Никогда не познакомится со своимъ голштинскимъ братомъ?

XIII.

Фигхенъ и не подозрѣвала, что это случится и очень скоро, только не въ Дорнбургѣ, какъ она мечтала.

Послѣ письма о событіи въ Килѣ, Юганнѣ-Елизаветѣ совсѣмъ не захотѣлось ѣхать съ дѣтьми въ тихій, заброшенный въ деревенской глуши, Дорнбургъ.

Ее потянуло къ своимъ въ Гамбургъ. Ей такъ живо представилось, какъ къ ея матери, навѣрное, собрались теперь все сестры и братья, чтобы потолковать о семейныхъ дѣлахъ. И такъ захотѣлось ей повидать родныхъ, что она, не долго

раздумывая, отослала сыновей съ Бабеть въ Дорнбургъ, а сама проѣхала съ дочерью въ Гамбургъ.

И, дѣйствительно, она застала тамъ въ сборѣ часть семьи. Изъ Берлина пріѣхали два ея брата и сестра, принцесса Анна, которая провела тамъ зиму.

Она ѣздила въ Берлинъ, чтобы повеселиться, но пріѣхала разочарованная. Фридрихъ-Вильгельмъ хворалъ, и никакихъ празднествъ не было. Королю съ каждымъ днемъ становилось все хуже. Стали поговаривать о томъ, что онъ долго не выживетъ. Этотъ слухъ о серьезной болѣзни короля и назначеніе опекуномъ старшаго сына вдовы герцога голштинъ-готторпскаго, принца Адольфа, носившаго титулъ епископа Любскаго, взволновалъ всѣхъ въ Гамбургѣ.

Сынъ Фридриха-Вильгельма былъ совсѣмъ другой, чѣмъ отецъ. Съ его вступленіемъ на престолъ многое должно было измѣниться. Перемѣны могли отразиться и на семьѣ изъ Гамбурга, которая теперь была на виду. Маленькій герцогъ изъ Киля, наслѣдникъ двухъ большихъ сѣверныхъ коронъ, былъ важной особой и приставленный къ нему дядя дѣлался не только самъ значительнымъ, но и вся семья его выдвигалась.

— Вотъ, и отлично, что ты пріѣхала вмѣстѣ съ Фигхенъ! — такъ встрѣтила Юганну-Елизавету герцогиня. — Мы всѣ вмѣстѣ и проѣдемъ въ Эйтинъ къ Адольфу. Я только что получила отъ него приглашеніе. Онъ привезетъ туда, въ свою резиденцію, маленькаго герцога, чтобы познакомить его съ нашей семьей. И, обращаясь къ внучкѣ, прибавила:

— Вотъ, ты и познакомишься съ твоимъ троюроднымъ братомъ, Фигхенъ.

Черезъ нѣсколько дней Фигхенъ увидѣла Карла-Петра-Ульриха.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Олимпійскія игры.

(Окончаніе).

ЕЩЕ при яркомъ свѣтѣ луны ночи перваго дня начиналъ стягиваться народъ къ склону холма Кроноса въ стадій, заполняя откосы, спускавшіеся съ двухъ сторонъ къ площади состязаній, и разсаживаясь здѣсь на свѣжей, еще не убитой

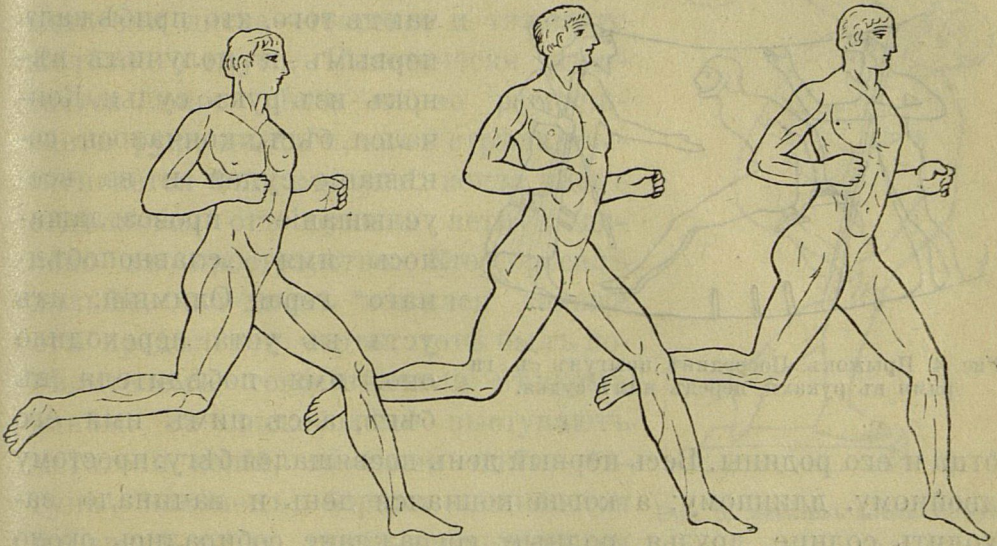


Рис. 3. Бѣгуны (рисунокъ греческой вазы).

массой зрителей, травѣ. Съ восходомъ солнца появлялись судьи; они садились на аренѣ у мѣднаго треножника, подлѣ богатаго стола, гдѣ лежали вѣтви и вѣнки, сорванные наканунѣ со старой вѣтвистой оливы, осѣнявшей алтарь Зевса, чистыми руками дѣтей; вѣтви и вѣнки—единственная награда, ждавшая побѣдителя. Глашатаи и трубачи провозглашали начало состязаній, участники выстраивались и начиналась борьба,

захватывавшая всѣхъ зрителей, державшая ихъ въ напряженіи непрерывно съ утра до вечера.

Рослые, статные, красивые юноши и зрѣлые мужи, загорѣлые, мускулистые, нагіе съ головы до ногъ, не боясь жаркаго солнца, въ строгомъ порядкѣ, оспаривали другъ у друга побѣду. Вотъ, по знаку судьи, начинается бѣгъ: отъ одного конца стадія къ другому несется группа бѣгуновъ и радостными кликами встрѣчаютъ того, кто прибѣжалъ первымъ и получилъ вѣнокъ изъ рукъ судьи. Кончался бѣгъ, кончалось совѣщаніе судьей и во всеуслышаніе провозглашалось имя „славнопобѣднаго“ героя Олимпій; изъ устъ въ уста переходило оно, имя побѣдителя въ бѣгѣ, а съ нимъ имя его

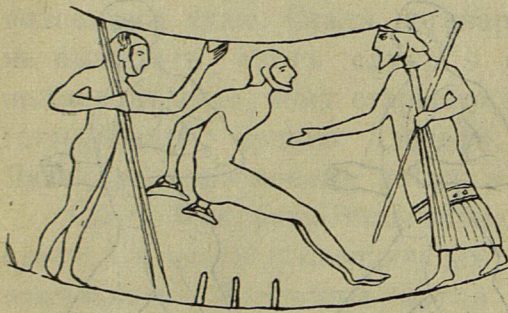


Рис. 4. Прыжокъ. Посрединѣ прыгунъ съ гириями въ рукахъ, передъ нимъ судья.

отца и его родины. Весь первый день посвящался бѣгу: простому двойному, длинному; а когда кончался день и начинало заходить солнце, друзья, родные, сограждане собирались около радостныхъ побѣдителей и съ пѣньемъ и кликами сопровождали ихъ по всему священному участку Зевса вплоть до того времени, когда всходила луна и озаряла храмы, статуи, толпу, вѣнки, побѣдителей и побѣжденныхъ.

На слѣдующій день стадій вновь наполнялся съ раннего утра и зрители любовались тѣмъ, какъ взрослая молодежь, съ удивительнымъ искусствомъ и выдержкой, красиво и вѣрно продѣлывала одно за другимъ простыя и красивыя упражненія. Вотъ, съ вершины маленькаго холмика безъ разбѣга со-

вершается длинный прыжокъ; какъ струны, натянуты мускулы рукъ, держащихъ тяжелыя гири, какъ птица, летитъ юноша или мужъ и, какъ изваяніе, стоитъ онъ передъ взволнованной мастерскимъ прыжкомъ толпой. Торжествуетъ побѣдитель, торжествуетъ и его учитель, вмѣстѣ съ нимъ явившійся на игры, сопровождавшій его на стадій и съ тревогой слѣдившій за своимъ ученикомъ. На смѣну прыгунамъ идутъ метатели диска—толстаго и тяжелаго желѣзнаго круга. Пластически изгибается юное тѣло, мѣрно раскачиваетъ рука дискъ и, какъ стрѣла, вытягивается весь корпусъ, когда дискъ отдѣляется отъ руки и летитъ далеко въ пространство. Кто бросалъ дальше, чей дискъ ложился дальше отъ предѣльной черты, тотъ былъ побѣдителемъ, того вѣнчали вѣнкомъ оливы. За дискоболами выступаютъ метатели копій, за ними опять бѣгуны, наконецъ, борцы: извиваются на аренѣ юныя тѣла, переплетаются руки, натягиваются желѣзные мускулы; ловкій бросокъ — и противникъ на землѣ. За первой парой идетъ вторая, за ней третья, за ней еще и еще. Схватываются побѣдители первой очереди, затѣмъ второй, пока, наконецъ, не сходится пара выдержавшихъ съ побѣдой весь кругъ. Велика и почетна была побѣда въ этомъ трудномъ и утомительномъ состязаніи.



Рис. 5. Метатель диска (статуя).

Новый день—и новая борьба: бьются кулачные борцы, бѣгутъ съ тяжелымъ щитомъ въ рукъ въ шлемъ и поножахъ, состязаясь въ выносливости и силѣ, тѣ, кто не разъ въ такомъ же

вооруженіи, такимъ же гимнастическимъ шагомъ бросался на врага, защищая родной городъ.

На смѣну взрослымъ, на четвертый день, шли мальчишки, надежда Эллады, будущіе защитники родины, и страсти разгорались еще живѣе, бурнѣе были аплодисменты и шумнѣе заключительный триумфъ.

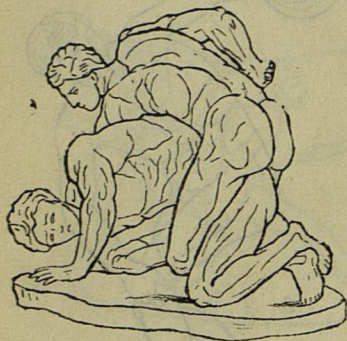


Рис. 6. Борцы (статуя).

Но особенно блестящъ былъ послѣдній день—день конныхъ ристаній. На огромномъ полѣ ипподрома становилось тѣсно отъ массы блестящихъ колесницъ. Весь цвѣтъ греческой знати былъ на лицо, и не жалѣли денегъ цари и богачи, чтобы лучше разукрасить своихъ коней, чтобы пышнѣе одѣть возницу, чтобы изящнѣе сладить легкую двухколеску. Сорокъ четверокопъ пускались одновременно, сто шестьдесятъ лучшихъ коней Греціи неслись по полю; падали лошади, ломались колеса, стонъ стоялъ отъ кликовъ толпы, и буря восторга встрѣчала того, кто въ толпѣ лошадей и колесницъ спокойно и умѣло первымъ подъѣзжалъ къ завѣтной чертѣ, гдѣ кончалось состязаніе.

За колесницами скакали всадники, за всадниками рѣзвые рысаки парами, за ними мулы. Весь день наполняли эти шумные скачки.

А какъ блестящъ былъ вечерній триумфъ!

Всадники на горячихъ коняхъ, пары породистыхъ муловъ, четверки кровныхъ рысаковъ и скакуновъ объѣзжали священную округу среди палатокъ пріѣзжихъ, ларей торговцевъ и толпъ восторженнаго народа. Подъ звуки побѣдныхъ

гимновъ, при свѣтѣ факеловъ возвращались они въ свои конюшни.

Кончалась великая недѣля днемъ праздника и торжества, торжественной процессіей, гдѣ за жрецами и судьями шли

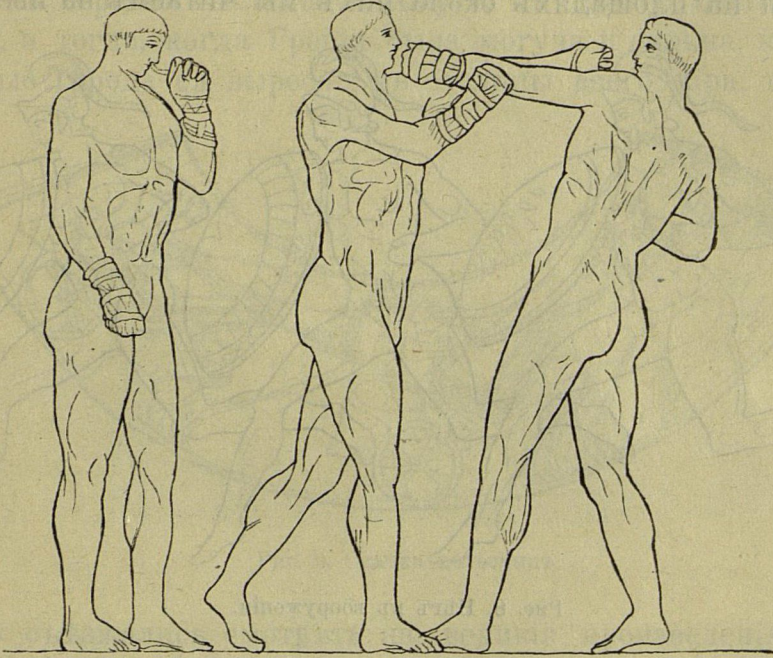


Рис. 7. Кулачный бой.

побѣдители, ѣхали колесницы и густою толпою двигались зрители, разстававшіеся съ домомъ великаго бога до слѣдующихъ олимпій.

Велика была радость и торжество побѣдителей, еще болѣе велика радость ихъ родныхъ и ихъ города. Торжествомъ всего города была побѣда своего на состязаніяхъ всей Греціи, и съ триумфомъ встрѣчалъ городъ своего олимпіоника. Статуи прославляли побѣдителя, гимны воспѣвали его, его

именемъ обозначали годъ, его чтили потомки, какъ славнаго своего героя.

И по сей часъ еще тамъ, въ Олимпіи, гдѣ когда-то шумѣлъ народъ и состязались борцы, среди развалинъ храмовъ и зданій на площадяхъ около нихъ мы читаемъ на пьедеста-

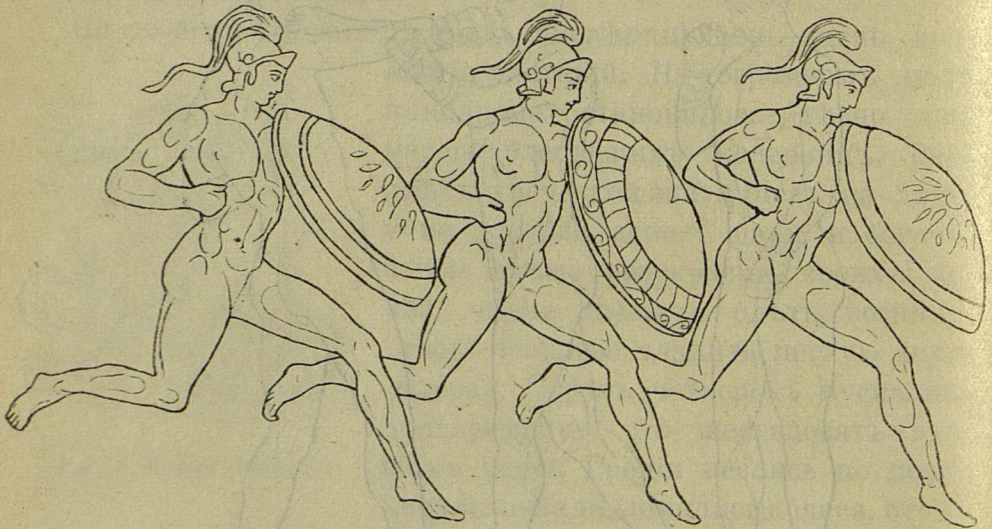


Рис. 8. Бѣгъ въ вооруженіи.

лахъ статуй имена тѣхъ, кто былъ когда-то побѣдителемъ и кого знала и прославляла вся Греція.

И не даромъ! Силенъ и крѣпокъ былъ тотъ городъ, гдѣ сильны и крѣпки, мужественны и выносливы были граждане, гдѣ каждый хотѣлъ быть сильнымъ и твердымъ на войнѣ, какъ крѣпокъ и выносливъ онъ былъ на поляхъ Олимпіи. Могучъ и непобѣдимъ былъ народъ, гдѣ въ каждомъ городѣ были свои побѣдители Олимпіи и гдѣ всѣ города соревновали другъ съ другомъ въ чести закалить и укрѣпить своихъ гражданъ. И, когда на Элладу нахлынула туча восточныхъ вра-

говъ, гордыхъ персовъ, греки показали, что значить, когда весь народъ до одного человѣка силенъ и бодръ, сознаетъ свою силу, умѣетъ хотѣть и побѣждать.

Много вѣковъ, каждые четыре года собиралась вся Эллада къ берегамъ Кладея и Алфея, къ храму Олимпійскаго Зевса, и тогда, когда Греція была могуча и сильна, когда нѣкоторые города ея выросли въ столицы всего міра, куда ото-

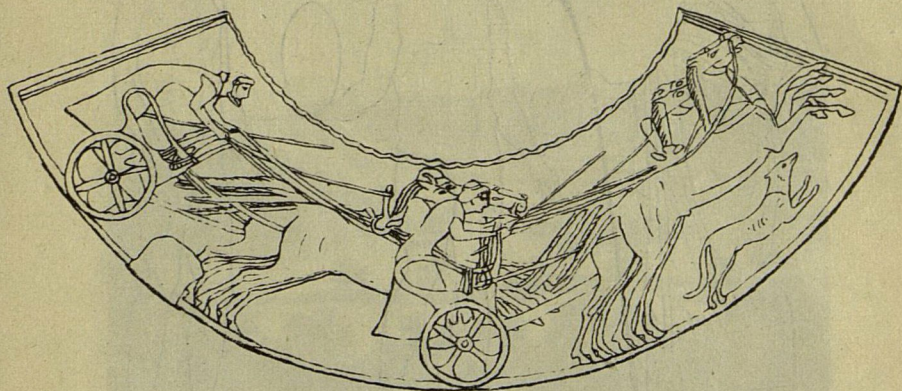


Рис. 9. Скачка колесницъ.

всюду съѣзжались смотрѣть на великія произведенія искусства, слушать великія драмы, учиться у великихъ философовъ, и тогда, когда въ спорѣ за первенство и власть ослабѣли эти великіе города и городъ съ городомъ сцѣпился въ длинной и кровавой борьбѣ, а раздорами грековъ воспользовались сильные сосѣди—сначала крѣпкіе воители македонцы, а затѣмъ и могучій Римъ, ученикъ и побѣдитель Эллады.

И въ эти тяжелыя для Эллады времена собирались эллины въ Олимпіи, но здѣсь все уже было не то: на поляхъ Олимпіи рядомъ съ эллинами состязались борцы и жокеи всего свѣта—эллины только по имени, и то, что когда-то

было серьезнымъ и важнымъ дѣломъ всей Эллады, гдѣ эллины учились хотѣть и побѣждать, сдѣлалось потѣхой и забавой, настоящей игрой и спортомъ. Боролись уже не всѣ мужи и юноши Греціи, бородатые и безбородые, пожилые и

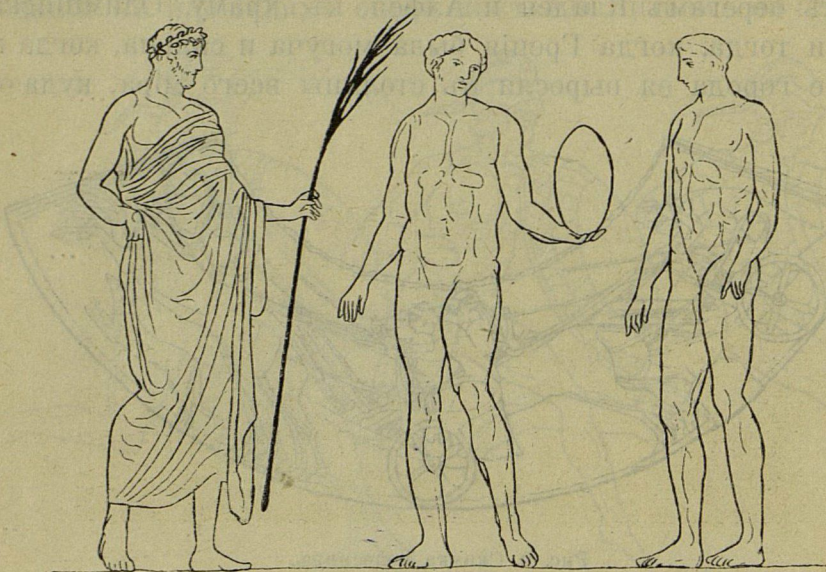


Рис. 10. Побѣдитель въ метаніи диска. Налѣво судья, подающій ему пальмовую вѣтвь (она служила наградой на играхъ, дававшихся въ Афинахъ.)

юные, старики и дѣти, а настоящіе ремесленники спорта, борцы, избравшіе борьбу своимъ главнымъ и постояннымъ занятіемъ.

Прошли еще вѣка. Пришла очередь и великаго Рима испытать горе вражескихъ нашествій: кусокъ за кускомъ отрывали у него наши предки—сѣверные народы—одну землю за другой. Въ Элладѣ и въ Римѣ перестали вѣрить въ старыхъ боговъ, любившихъ борьбу и красоту, силу и мужество и увѣровали въ того Бога, который звалъ человѣка не о

тѣлѣ заботиться, а о духѣ, не красоты тѣлесной искать, а красоты духа, въ того Бога, который училъ быть кроткимъ и незлобивымъ, не побѣждать, а умѣть сносить рабство и подчиненіе.

Не милы были новымъ людямъ борьба и спортъ, скачки и бѣга, и затихло постепенно поле Олимпіи, перестали сте-

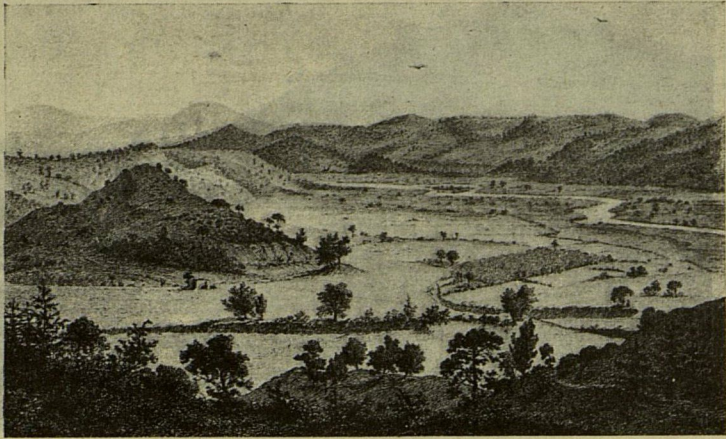


Рис. 11. Мѣсто, гдѣ когда-то стояла Олимпія до начала раскопокъ.

каться сюда эллины, начали разрушаться храмы, начали падать къ подножію своихъ пьедесталовъ изваянія.

А затѣмъ пришли восточные грозные завоеватели, направились славяне, за ними турки, и палъ послѣдній оплотъ эллинства наслѣдница западнаго Рима, гордая Византія. Храмы были разграблены, мраморы разбиты, бронза сплавлена, изъ свинца, скрѣплявшаго колонны и стѣны зданій, отлили пули и все больше и больше разрушались зданія великаго дома Зевса, упали колонны, заросли травой и кустарникомъ площади, занесло ихъ пескомъ и глиной Кладаея и Алфея. Пустыней стала Олимпія, и овцы со своими пастухами медленно бродили

тамъ, гдѣ когда-то курились алтари, ржали кони, раздавались пѣсни и въ триумфѣ проходили побѣдители на состязаніяхъ.

Умерла, казалось, Олимпія и не воскреснетъ больше никогда. Но воскресла она, воскресла недавно, въ наше время, намъ на радость и поученіе. Народы Европы поняли, какъ прекрасна и глубока была жизнь Греціи, поняли, что можно

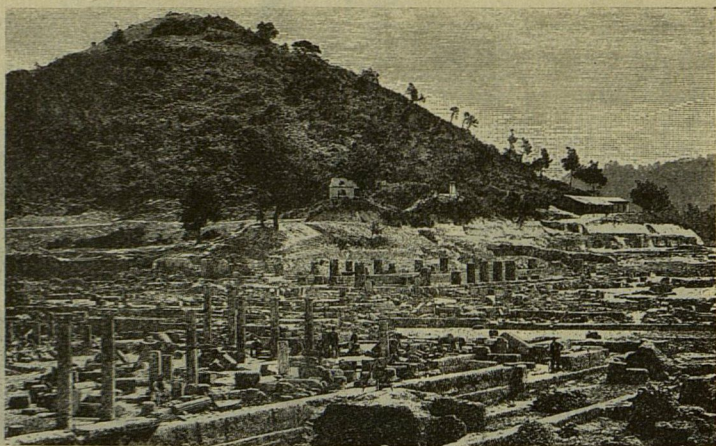


Рис. 12. Руины Олимпіи послѣ раскопокъ.

сочетать и ученіе Христа и любовь къ красотѣ и силѣ, любовь къ радости и борьбѣ. И потянулись новые паломники въ Олимпію, искать тамъ остатковъ далекаго прошлаго, добывать ихъ изъ земли, возстановлять въ книгахъ и рисункахъ, въ своей мысли и фантазіи старыя, красивыя и бурныя времена. Пришли люди съ заступами и лопатами изъ далекой холодной Германіи, вырубили кустарникъ, сняли песокъ, обнажили остатки стѣнъ и обломки колоннъ, собрали куски чудныхъ изваяній и камни, на которыхъ написаны были имена древнихъ побѣдителей.

Съ жадностью искали они то, что написано было когда-то

самими эллинами о своихъ славныхъ играхъ, искали на старыхъ черепкахъ и росписныхъ сосудахъ изображеній того, что дѣлали эллины въ Олимпіи, складывали куски статуи и колонны и послѣ долгаго упорнаго и тяжелаго труда воскресили Олимпію, всю ея жизнь, весь ея внѣшній видъ, всю ея исторію.

Воскресла Олимпія! И такъ прекрасно было то, что найдено было тамъ, такъ прекрасна была та жизнь, которая когда-то царила у храма Зевса, такъ прекрасенъ казался тотъ богъ, который гордо сидѣлъ когда-то на своемъ тронѣ въ богатомъ храмѣ, такъ восхитительны тѣ образы, въ которыхъ воплотила свое божество фантазія эллиновъ, что опять, какъ прежде, ѣдутъ и идутъ тысячи паломниковъ въ Олимпію, бродятъ среди развалинъ, любуются остатками изваяній и прислушиваются къ далекимъ отголоскамъ той жизни, которая кипѣла когда-то на стадіи и ипподромѣ, у храма Зевса и у старой роши бога.

М. Ростовцевъ.

Вѣсти отовсюду.

Въ память Л. Н. Толстого. Давно уже никакое великое событіе не объединяло такъ всѣхъ людей, какъ смерть Льва Николаевича Толстого. Всѣ люди поняли, какъ онъ великъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой онъ близкій и родной намъ, маленькимъ.

Всѣ хотятъ почтить его память.

Каждый городъ, даже самый небольшой, собирается устроить или библиотеку, или школу, или пріютъ. Въ Москвѣ думаютъ поставить памятникъ. Могила Толстого каждый день покрывается свѣжими вѣнками. Но вѣнки, памятникъ, библиотеки, школы и пріюты—это еще далеко не все, что могутъ и что должны сдѣлать безъ исключенія всѣ тѣ люди, у которыхъ есть неутолимое желаніе почтить память Льва Николаевича.

Какъ ударъ великаго колокола, донеслись до людскихъ сердецъ послѣднія слова Толстого:

— На свѣтѣ такое множество страдающихъ людей, а вы всѣ здѣсь возлѣ меня одного.

Такъ сказать онъ передъ смертью окружавшимъ его близкимъ, и эти слова любви были его послѣдними словами на землѣ.

Левъ Николаевичъ любилъ людей и училъ ихъ любить другъ друга. Поэтому всѣ, любяще его, любовью почтутъ его память. Такъ почтить ее можетъ всякій: и богатый, и бѣдный, и взрослый, и ребенокъ.

Каждый поступокъ совершенный съ любовью, каждое слово, съ любовью сказанное,—вотъ лучший памятникъ Леву Николаевичу, лучший вѣнокъ на его родную для насъ могилу.

Народныя поговорки и примѣты на декабрь.

1-го декабря пророка Наума-грамстника.

Пророкъ Наумъ наставитъ на умъ.

Пророкъ Наумъ и худой разумъ на умъ наведетъ.

Егорій моститъ, Никола (6-го декабря) гвоздитъ.

Декабрь годъ кончаетъ, зиму начинаетъ.

Тароватъ декабрь: старый годъ кончаетъ, новому году новымъ счастьемъ дорожку стелеть.

Филипповъ постъ—къ святымъ вечерамъ святой мостъ.

Шарада № 12.

Начало буквою вы гласной назовете,
Конецъ—сходите въ кухню посмотрѣть,
Когда же за покупками пойдете,
То все на все вы хотите вы имѣть.

Шарада № 13.

Мой первый слогъ—предлогъ, кончаюсь буквой я,
Въ толпѣ середка слышится моя,
А все мое— народное творенье.
Въ немъ наблюдательность находить проявление.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведеній и для ученических библиотек низших учебных заведеній и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ папкѣ 65 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведеній и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Семилѣтна“. Народныя сказки. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведеній и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведеній и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березиныны именины“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

Соловьева П. С. „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна 10 е.

Соловьева П. С. „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Шапиръ Н. Л. „Люди и звѣри“. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Франсъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-ье. Цѣна 25 к.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведеній и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній

Новыя изданія „Тропинки“.

Егоровъ Л. Н. „Исторія воздухоплаванія.“ Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Манасеева Н. И. „Озвѣнки“. Пять разсказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Соловьева П. С. „Жизнь Хитролыса“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Въ стихахъ. Съ 170-ю рисунками Рабье. Цѣна въ обложкѣ 1 р. 70 к., въ папкѣ 2 р.

Соловьева П. С. „Царевна Земляничка.“ Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Новый годъ“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 к.

Шведеръ Е. Г. „Пушкинскія уголки“. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

6-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, путешествія, біографіи, историческія статьи, стихи, театральныя пьесы, научныя статьи, вѣсти отовсюду, юмористическіе рассказы и стихи, смѣшныя картинки, ребусы, шарады и загадки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **3 руб.**
съ пересылкой и доставкой

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1910 гг. Комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ 497-55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манаскина*.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается **20** коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается **40** коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.